

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIV годъ
№ 2

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИДОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и
ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКОРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 8 Января 1883 г.

Открыта подписка на „Ниву“ 1883 г.

Подписная цѣна на годовое издание „Нивы“:

Безъ доставки въ
Петербургъ ... 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ ... 5 р. 50 к.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москву черезъ
отдѣл. конт. „Нивы“ И. Н. Печ-
ковской, Петровск. Торг. линія 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и дру-
гіе города Россіи 6 р.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Особая приложение при
„Нивѣ“ объявленій
отъ торговыхъ домовъ
принимаются для иногор.
по 5 р. съ тысячи, для
городскихъ по 4 р.

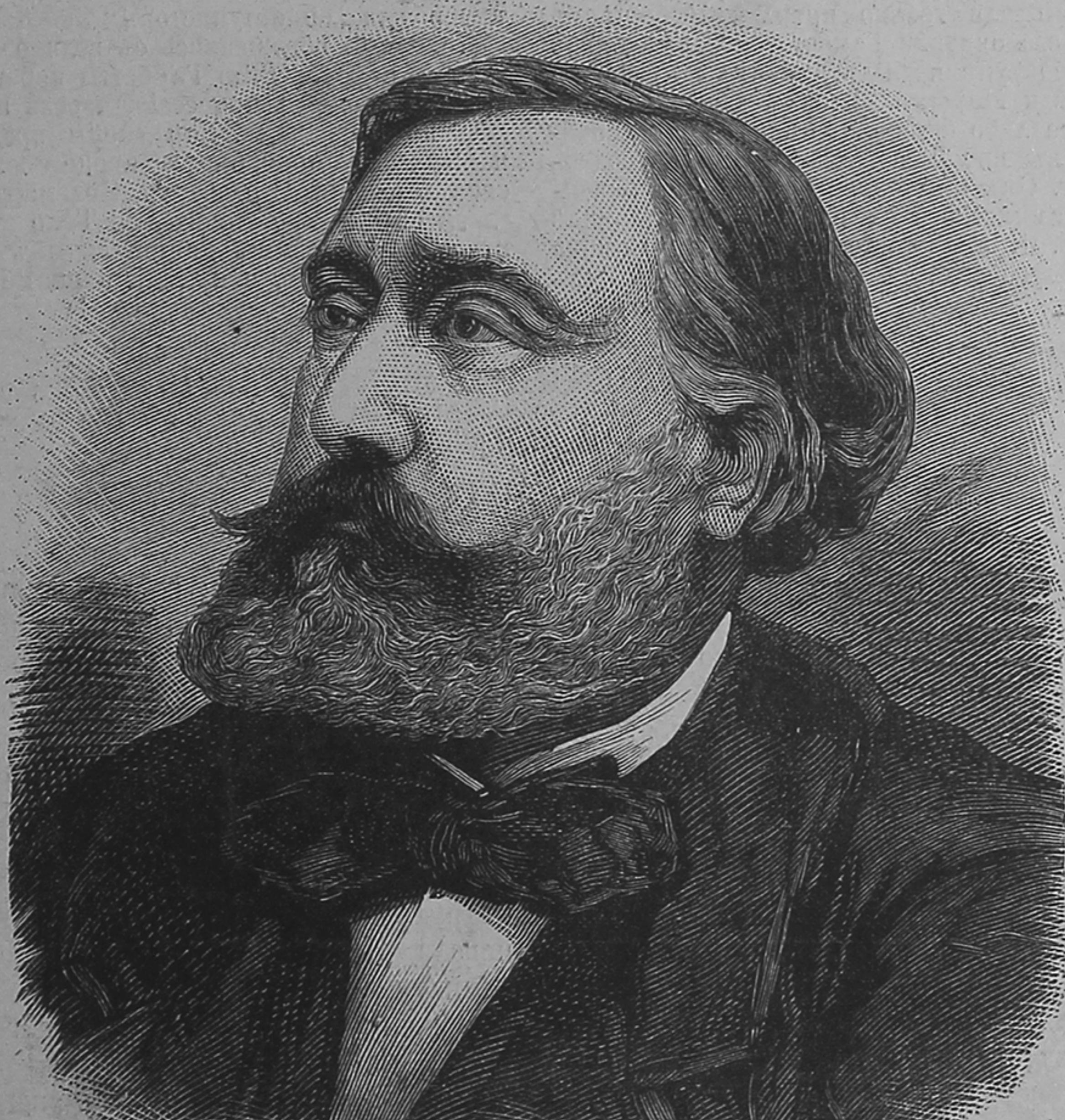
Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9
и открыта ежедневно (кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней), отъ 10 ч. утра до 8 ч. вечера.

Леонъ Гамбетта.

Въ предыдущемъ № „Нивы“ въ Обозрѣнії, мы уже говорили о смерти одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей современной Франціи и о томъ значеніи, какое смерть эта имѣла для Франціи и Европы. Сынъ простаго торговца, молодой адвокатъ, онъ выступаетъ на сцену въ моментъ самый тяжелый для своего отечества, трибунъ и парламентскій ораторъ, бывшій нѣкогда диктаторъ Франціи, въ послѣднее время достигшій такого значенія, что на его будущей судьбѣ строились разные планы и предположенія, рухнувшія въ день смерти его, 19 (31) декабря.

Леонъ Гамбетта родил-
ся 3 апрѣля 1838 г. въ
Кагорѣ. Отецъ его былъ
лавочникъ — генуэзецъ,
давшій первоначальное
воспитаніе сыну въ не-
большой семинаріи сво-
его города. Послѣ Гам-
бетта перешелъ въ ли-
цей, а затѣмъ слушалъ
лекціи въ парижской
„Ecole de droit“. Въ
1859 году онъ сѣдался
секретаремъ адвоката

Леонъ Гамбетта. † 19 (31) Дек. 1882 г. Съ фотограф. грав. Гельштейнъ.

Лашо и Адолъфа Кремье и выступилъ самостоятельнѣо защитникомъ въ двухъ политическихъ дѣлахъ, по которымъ клѣпты его хотя и были осуждены, но рѣчи его, выходки уже произвели эффектъ и имя его получило извѣстность. На общихъ выборахъ 1869 г. въ законодательный корпусъ, Гамбетта появился одновременно и въ Парижѣ и въ Марсели кандидатомъ оппозиціи и, одержавъ полную победу, попалъ въ законодательный корпусъ, гдѣ занялъ мѣсто депутата оппозиціи. Тогда оппозиціональные выходки давали успѣхъ, а громкое дѣло Анри Рошфора, противъ арестованія котораго говорилъ Гамбетта, надѣлало много шума. Изъ членовъ оппозиціи онъ менѣе всѣхъ сопротивлялся войнѣ съ Пруссіей и потомъ, когда интернационалъ обратился къ нему съ предложеніями послѣ первыхъ пораженій, онъ отвергъ всякую съ нимъ солидарность и однако послѣ седанской катастрофы былъ въ числѣ главныхъ лицъ, подготавлившихъ республику. 4-го сентября 1870 го-

да Гамбетта былъ провозглашенъ членомъ временного правительства национальной обороны и на другой же день былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Быстро обложенія Парижа и побѣдоносное шествіе германскихъ войскъ не дали возможности произвести выборы въ учредительная собрания. Надо было послать делегацію въ Туръ изъ обложенного войсками Парижа и тутъ произошелъ нѣсколько странный эпизодъ отравленія республиканского министра къ своему посту на воздушномъ шарѣ. Въ Турѣ Гамбетта тотчасъ же началъ оживленную дѣятельность, распространившуюся на все, что касалось национальной обороны. Время было такое, что и распоряжаться было некому, и вотъ Гамбетта соединяетъ самъ въ своихъ рукахъ три министерства — внутреннихъ дѣлъ, военное и финансовъ. Онъ вмѣшивался во все: въ администрацію, въ устройство армій, въ стратегическія комбинаціи, въ военные дѣйствія. Теперь трудно рѣшить, въ виду тогданѣй смуты, какъ высоко было качество его распоряженій, но уже его старанье о какомъ нибудь порядкѣ дѣйствій, его дѣятельность для поднятія упавшаго духа страны и старанія подавить беспорядки, вызвали къ нему сочувствіе французовъ, которые толпами являлись къ нему съ совсѣмъ, предложеніемъ помочи. Онъ въ одномъ себѣ рѣшился соединить все правительство и принять всю ответственность за ошибки, неудовлетворительность распоряженій, столь трудныхъ въ такое смутное время. Гамбетта эти четыре мѣсяца пользовался большимъ авторитетомъ. Онъ писалъ декреты и говорилъ рѣчи, онъ сдѣлалъ засѣдѣ у англійскихъ капиталистовъ въ 250,000,000 франковъ, организовалъ двѣ Луарскія арміи, когда настало перемиріе.

Кандидатура Гамбетты возникла на выборахъ 8-го февраля въ нѣсколькихъ департаментахъ. Въ 1871 году, чтобы начать настоящую выборную кампанію, Гамбетта началъ издавать газету, которая подготовляла умы къ принятію республики. Въ 1872 году большой шумъ сдѣлала его рѣчь на банкетѣ, въ которой онъ провозглашалъ необходимость союза среднихъ классовъ и всеобщей воинской повинности. Тоже повторилъ онъ и на сходкѣ въ Бельвиль.

Въ послѣдніе мѣсяцы 1874 г. и въ началѣ 1875, Гамбетта принялъ самое дѣятельное участіе въ попыткахъ примиренія различныхъ развѣтвленій лѣвой стороны и праваго центра, чтобы добиться соглашенія въ принятіи конституціонныхъ законовъ. Рѣчь, съ которой онъ обратился къ большинству 12-го февраля, была одной изъ самыхъ ловкихъ и краснорѣчивыхъ, и вотъ послѣ-то нея появилось слово „политика оппортунизма“, примирительная политика лѣвой стороны. Переговоры Гамбетты привели къ принятію одною частью большинства конституціи 25 февраля, сдѣлавшей республику законнымъ правительствомъ Франціи.

Вліяніе Гамбетты было не менѣе преобладающимъ во время выборовъ въ Сенатъ. Благодаря ему, Фрейсине одержалъ верхъ надъ В. Гюго, котораго выбрали только пятымъ. Выборы въ палату депутатовъ также озабочивали Гамбетту, который очень хлопоталъ о своей кандидатурѣ и былъ выбранъ 20 февраля 1876 г. въ Парижѣ, Лилль и Марсели. Такимъ образомъ онъ сдѣлался болѣе чѣмъ когда либо безспорнымъ главою республиканского большинства въ новой палатѣ и сталъ президентомъ бюджетной комиссіи. Онъ не согласился на предложенную Распайлемъ полную амнистію и на сходкѣ въ Бельвиль разгромилъ этотъ проѣктъ. При министерствѣ Жюля Симона Гамбетта сохранилъ свое преобладаніе, но когда Симонъ былъ

уволенъ президентомъ республики, Маршаломъ Макъ-Магономъ, Гамбетта присоединился къ оппозиції. По распущеніи палаты Гамбетта старался успокоить страну рѣчами 9 іюля въ Амьенѣ и 11 въ Аббевилѣ. Во время краткой и бурной сессіи 16 іюля онъ сказалъ свои наиболѣе блестящія рѣчи. Сенатъ согласился по желанію кабинета на распущеніе палаты, и Гамбетта продолжалъ оставаться главою оппозиціи и 15 августа произнесъ въ Лилль рѣчу, оканчивающуюся извѣстными словами: „Когда Франція возвысить свой голосъ, повѣрьте, господа, вамъ придется или покориться или сложить съ себя свои званія!“ За эту рѣчу его предали суду за оскорблѣніе президента Республики. Десятое отдѣленіе Сенскаго суда приговорило его къ трехмѣсячному тюремному заключенію и денежной пенѣ въ 2000 франковъ, но онъ апеллировалъ. Въ это время умеръ Тьеръ, смерть котораго доставила вожаку лѣвыхъ еще болѣе преобладанія. 9 декабря въ Шато-До собралась большая частная сходка и вскорѣ Гамбетта былъ избранъ въ 20-мъ округѣ огромнымъ большинствомъ, и онъ вновь сталъ президентомъ бюджетной комиссіи. Въ новогоднія вакаціи Гамбеттаѣздили въ Италію и имѣлъ нѣсколько свиданій съ Депретисомъ, Криспи, королемъ. По возвращеніи оттуда, въ Марсели онъ произнесъ рѣчу о томъ, какою цѣною республиканская партія можетъ оставаться во главѣ управлениія. Во время новой сессіи онъ имѣлъ препирательства съ Руэротомъ, который, горячо нападая на правительство, 4 сентября возводилъ на него всю ответственность за бѣдствія 1870 года. Гамбетта отвѣчалъ ему: „чтобы вести наши арміи къ побѣдѣ, требовались другие люди, чѣмъ вы“.

Во время парламентскихъ вакацій Гамбеттаѣздили въ Швейцарію и въ Романсѣ произнесъ рѣчу, такъ называемую „рѣчь-программу“. По возвращеніи во Францію въ Гренобль онъ повторилъ главныя ея положенія. За выходку противъ бывшаго министра Фурту онъ дрался съ нимъ на пистолетахъ, но дуэль эта не имѣла никакихъ кровавыхъ результатовъ и надъ ней въ свое время смыкались. 30 іюня, когда Грэви былъ выбранъ президентомъ республики, Гамбетта сталъ президентомъ палаты депутатовъ.

14 Ноября 1881 г. пало министерство Ферри и президентъ республики поручилъ составленіе нового кабинета Гамбетѣ. Но кабинетъ, имъ составленный, просуществовалъ всего два мѣсяца и былъ низвергнутъ палатою, отказавшееся утвердить предоставленный правительствомъ законопроектъ пересмотра конституціи, и Гамбетта, вмѣстѣ со всѣми другими, подалъ въ отставку.

Въ прошломъ № мы говорили, какимъ образомъ онъ получилъ рану отъ нечаянного выстрѣла, имѣвшую смертельный исходъ. Объ этомъ случаѣ, конечно по его настоянію, долго не было ничего извѣстно и говорилось только, что онъ самъ себя ранилъ нечаянно. Газеты всей Европы теперь полны разсужденіями и статьями обѣ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, взвѣшивающими относительную важность такого события, какъ смерть знаменитаго вождя „оппортунистовъ.“

Похороны совершились съ великолѣпіемъ, при стеченіи множества народа. Тѣло Гамбетты перевезли въ Бурбонскій дворецъ; отъ дворца процессія, черезъ площадь Согласія, направилась по бульварамъ. Всѣ члены правительства, депутаты — сопровождали похоронную процессію. Департаменты прислали свои delegacіи. Страсбургъ, Кольмаръ, Менъ, Вейсенбургъ прислали своихъ представителей. Тѣло по набальзамированіи обернуто французскимъ национальнымъ флагомъ и положено въ свинцовый гробъ, покрытый вѣнками.

Гуттаперчевый мальчикъ.

Повѣсть Д. В. Григоровича.

(Посвящено Е. А. Третьяковой).

(Продолженіе).

III.

Заглядывая къ „бабушкѣ“ и встрѣчая у нея мальчика, Варвара брала его иногда на нѣсколько дней къ себѣ.

Жила она на Моховой улицѣ въ подвальномъ этажѣ, на второмъ дворѣ большаго дома. На томъ же дворѣ, только выше, помѣщалось нѣсколько человѣкъ изъ труппы сосѣдняго цирка; они занимали рядъ комнатъ, соединявшихся темнымъ боковымъ коридоромъ. Варвара знала всѣхъ очень хорошо, такъ какъ постоянно стирала у нихъ бѣлье. Подымаясь къ нимъ, она часто таскала съ собою Петю. Всѣмъ была извѣстна его история; всѣ знали, что онъ круглый сирота, безъ роду и племени. Въ разговорахъ, Варвара не разъ выражала мысль, что вотъ бы хорошо было, кабы кто нибудь изъ господъ сжался и взялъ сироту въ обученіе. Никто

однако не рѣшался; всѣмъ, повидимому, довольно было своихъ заботъ. Одно только лицо не говорило ни да, ни нѣтъ. По временамъ, лицо это пристально даже посматривало на мальчика. Это былъ акробатъ Беккеръ.

Надо полагать, между нимъ и Варварой велись одновременно какіе нибудь тайные и болѣе ясные переговоры по этому предмету, потому что, однажды, подкарауливъ, когда всѣ господа ушли на репетицію и въ квартирѣ оставался только Беккеръ, Варвара спѣшно повела Петю наверхъ и прямо вошла съ нимъ въ комнату акробата.

Беккеръ точно поджидалъ кого-то. Онъ сидѣлъ на стулѣ, покуривая изъ фарфоровой трубки съ выгнутымъ чубукомъ, увѣшаннымъ кисточками; на головѣ его красовалась плоская, шитая бисеромъ шапочка, сдвинутая

на бокъ; на столѣ передъ нимъ стояли три бутылки пива—две пустыя, одна только что начатая.

Раздутое лицо акробата и его шея, толстая какъ у быка,—были красны; самоувѣренный видъ и осанка не оставляли сомнія, что Беккеръ, даже здѣсь, у себя дома, былъ весь исполненъ сознаніемъ своей красоты. Товарищи, очевидно, трунили надъ нимъ только изъ зависти!

По привычкѣ охорашиваться передъ публикой, онъ принялъ позу даже при видѣ прачки.

— Ну вотъ, Карль Богдановичъ... вотъ мальчикъ!.. проговорила Варвара, выдвигая впередъ Петю.

Надо замѣтить, весь разговоръ происходилъ на странномъ какомъ-то языке; Варвара коверкала слова, произнося ихъ на чухонскій ладъ; Беккеръ скорѣе мычалъ, чѣмъ говорилъ, отыскивая русскія слова, выходившія у него не то нѣмецкими, не то совершенно неизвѣстнаго происхожденія.

Тѣмъ не менѣе, они понимали другъ друга.

— Хорошо, произнесъ акробатъ,—но я такъ не можно; надо раздѣвать мальчикъ...

Петя до сихъ порь стоялъ неподвижно, робко поглядывая на Беккера; съ послѣднимъ словомъ онъ откинулся назадъ и крѣпко ухватился за юбку прачки. Но когда Беккеръ повторилъ свое требованіе, и Варвара, повернувъ мальчика къ себѣ лицомъ, принялась раздѣвать его, Петя судорожно ухватился за нее руками, началъ кричать и биться, какъ цыпленокъ подъ ножемъ повара.

— Чего ты? Эко право глупенькой! Чего испугался?.. Раздѣнься, батюшка, раздѣнься... ничего... смотри ты глупый какой!.. повторяла прачка, стараясь раскрыть пальцы мальчика и въ тоже время спѣшило растегивая пуговицы на его панталонахъ.

Но мальчикъ рѣшительно не давался: обѣятый по-чemu-то страхомъ, онъ вертѣлся какъ выонъ, корчился, тянулся къ полу, наполняя всю квартиру криками.

Карль Богдановичъ потерялъ терпѣніе. Положивъ на столъ трубку, онъ подошелъ къ мальчику, и не обращая вниманія на то, что тотъ сталъ еще сильнѣе ба-рахтаться, быстро обхватилъ его руками. Петя не успѣлъ очнуться, какъ уже почувствовалъ себя крѣпко сжатымъ между толстыми колѣньями акробата. Послѣдній въ одинъ мигъ снялъ съ него рубашку и панталоны; послѣ этого онъ поднялъ его какъ соломенку и уложивъ голаго попечекъ колѣнъ, принялъ ощущивать ему грудь и бока, нажимая болѣшимъ пальцемъ на тѣ мѣста, которыя казались ему не сразу удовлетворительными, и посыпая шлеопокъ всякий разъ, какъ мальчикъ корчился, мѣшая ему продолжать операцию.

Прачкѣ было жаль Пети; Карль Богдановичъ очень ужъ что-то сильно нажималъ и тискалъ; но съ другой стороны, она боялась вступиться, такъ какъ сама привела мальчика и акробатъ обѣщалъ взять его на воспитаніе, въ случаѣ когда онъ окажется пригоднымъ. Стоя передъ мальчикомъ, она торопливо утирала ему слезы, уговаривая не бояться, убѣждая, что Карль Богдановичъ ничего худаго не сдѣлаетъ,—только посмотреть!...

Но когда акробатъ неожиданно поставилъ мальчика на колѣна, повернулъ его къ себѣ спиной и началъ выгибать ему назадъ плечи, снова надавливая пальцами между лопатками, когда голая худенькая грудь ребенка вдругъ выпучилась ребромъ впередъ, голова его опрокинулась назадъ, и весь онъ какъ-бы замеръ отъ боли и ужаса,—Варвара не могла уже выдержать; она бросилась отнимать его. Прежде однажды, чѣмъ успѣла она это сдѣлать, Беккеръ передалъ ей Петю, который тотчасъ же очнулся и только продолжалъ дрожать, захлебываясь отъ слезъ.

— Полно, батюшка, полно! Видишь ничего съ тобою не сдѣлали!.. Карль Богдановичъ хотѣлъ только погля-

дѣть тебя... повторяла прачка, стараясь всячески областать ребенка.

Она взглянула украдкой на Беккера; тотъ кивнулъ головою и налилъ новый стаканъ пива.

Два дня спустя, прачкѣ надо уже было пустить въ дѣло хитрость, когда пришло окончательно передавать мальчика Беккеру. Тутъ не подѣстровали ни новыя ситцевыя рубашки, купленныя Варварой на собственныя деньги, ни мятные пряники, ни убѣжденія, ни ласки. Петя боялся кричать, такъ какъ передача происходила въ знакомой намъ комнатѣ; онъ крѣпко принадалъ заплаканнымъ лицомъ къ подолу прачки и отчаянно, какъ потерянный, цѣплялся за ея руки каждый разъ, когда она дѣлала шагъ къ дверямъ, съ тѣмъ чтобы оставить его одного съ Карломъ Богдановичемъ.

Наконецъ все это надоѣло акробату. Онъ ухватилъ мальчика за воротъ, оторвалъ его отъ юбки Варвары, и какъ только дверь за нею захлопнулась, поставилъ его передъ собою и велѣлъ ему смотрѣть себѣ прямо въ глаза.

Петя продолжалъ трястись какъ въ лихорадкѣ; черты его худенькаго, болѣзеннаго лица какъ-то съеживались; въ нихъ проступало что-то жалобное, хилое, какъ у старичка.

Беккеръ взялъ его за подбородокъ, повернуль къ себѣ лицомъ и повторилъ приказаніе.

— Ну, мальчикъ, слушъ,—сказалъ онъ, грозя указательнымъ пальцемъ передъ носомъ Пети,— когда ты хочу тамъ... (онъ указалъ на дверь),—то будетъ тутъ!!.. (онъ указалъ нѣсколько ниже спины),—und fest! und fest!!.. добавилъ онъ, выпуская его изъ рукъ и допивая оставшееся пиво.

Въ тоже утро онъ повелъ его въ циркъ. Тамъ все суетилось и торопливо укладывалось. На другой день труппа со всѣмъ своимъ багажемъ, людьми и лошадьми перекочевывала на лѣтній сезонъ въ Ригу.

Въ первую минуту, новость и разнообразіе впечатлѣній скорѣе пугали Петю, чѣмъ пробуждали въ немъ любопытство. Онъ забился въ уголъ и какъ дикий звѣрекъ глядѣлъ оттуда, какъ мимо него бѣгали, перетаскивая невѣдомые ему предметы. Кое-кому бросилась въ глаза блокурая головка незнакомаго мальчика; но до того ли было! И всѣ проходили мимо.

Послѣднее это обстоятельство нѣсколько ободрило Петю; намѣтивъ глазами тотъ или другой уголъ, онъ уловлялъ минуту, когда подлѣ никого не было, и скоро-скоро перебѣгалъ къ намѣченному мѣstu. Такъ постепенно достигъ онъ конюшень. Батюшки, сколько было тамъ лошадей! Спины ихъ, лоснясь при свѣтѣ газа, вытягивались рядами, терявши мися въ сгущенной мглѣ, наполнявшей глубину конюшенныхъ сводовъ; Петю особенно поразилъ видъ нѣсколькихъ лошадокъ, такихъ же почти маленькихъ, какъ онъ самъ.

Всѣ эти впечатлѣнія были такъ сильны, что ночью онъ нѣсколько разъ вскрикивалъ и просыпался; но не слыша подлѣ себя ничего, кроме густаго храпѣнья своего хозяина,—онъ снова засыпалъ.

Въ теченіе десяти дней, какъ труппа перебѣжала въ Ригу, Петя былъ предоставленъ самому себѣ. Въ вагонѣ его окружали теперь несовсѣмъ уже чужie люди; ко многимъ изъ нихъ онъ успѣлъ присмотрѣться; многие были веселы, шутили, пѣли пѣсни и не внушали ему страха. Нашлись даже такие, какъ клоунъ Эдвардъ, который мимоходомъ всегда трепалъ его по щекѣ; разъ даже одна изъ женщинъ дала ему ломтикъ апельсина. Словомъ, онъ началъ понемногу привыкать, и было-бы ему даже хорошо, еслибы взялъ его къ себѣ кто-нибудь другой, только не Карль Богдановичъ. Къ нему никакъ онъ не могъ привыкнуть; при немъ Петя мгновенно умолкалъ, весь какъ-то съеживался и думалъ о томъ только, какъ бы не заплакать...

Особенно тяжело стало ему, когда началось ученье.

Послѣ первыхъ опытовъ, Беккеръ убѣдился, что не ошибся въ мальчикѣ; Петя былъ легокъ какъ пухъ и гибокъ въ суставахъ; недоставало, конечно, силы въ мускулахъ, чтобы управлять этими природными качествами; но бѣды въ этомъ еще не было. Беккеръ не сомнѣвался, что сила пріобрѣтется отъ упражненій. Онъ могъ отчасти даже теперь убѣдиться въ этомъ на питомцѣ. Мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ онъ каждое утро и вечеръ, посадивъ мальчика на полъ, заставлялъ его пригибаться головою къ ногамъ, Петя могъ исполнять такой маневръ уже самъ по себѣ, безъ помощи наставника. Несравненно труднѣе было ему перегибаться назадъ и касаться пятками затылка; мало по малу онъ, однажды, и къ этому сталъ привыкать. Онъ ловко также начиналъ прыгать съ разбѣга черезъ стулъ; но только, когда послѣ прыжка, Беккеръ требовалъ, чтобы воспитанникъ, перескочивъ на другую сторону стула, падалъ не на ноги, а на руки, оставляя ноги на воздухѣ,—послѣднее рѣдко удавалось; Петя летѣлъ кувыркомъ, падалъ на лицо или на голову, рискуя свихнуть себѣ шею.

Неудача или ушибъ составляли, впрочемъ, половину горя; другая половина, болѣе вѣская, заключалась въ тузахъ, которыми всякий разъ надѣлялъ его Беккеръ, забывавшій, что упражненіями такого рода онъ скорѣе могъ содѣйствовать къ развитію собственныхъ мускуловъ, которые и безъ того были у него въ надежномъ порядкѣ.

Мускулы мальчика оставались по прежнему тощими. Они очевидно требовали усиленнаго подкрепленія.

Въ комнату, занимаемую Беккеромъ, принесена была двойная раздвижная лѣстница; поперекъ ея перекладинъ, на нѣкоторой высотѣ отъ полу, укладывалась горизонтально палка. По командѣ Беккера, Петя долженъ былъ съ разбѣгу ухватиться руками за палку и затѣмъ оставаться такимъ образомъ на вѣсу, сначала пять минутъ, потомъ десять,—и такъ каждый день по пѣсколько приемовъ. Разнообразіе состояло въ томъ, что иногда приходилось просто держать себя на вѣсу, а иногда, придерживаясь руками къ палкѣ, слѣдовало опрокидываться назадъ всѣмъ туловищемъ и пропускать ноги между палкой и головою. Цѣль упражненія состояла въ томъ, чтобы прицѣпиться концами носковъ къ палкѣ, неожиданно выпустить руки и оставаться висящимъ на однихъ носкахъ. Трудность, главнымъ образомъ, заключалась въ томъ, чтобы въ то время, какъ ноги были наверху, а голова внизу,—лицо должно было сохранять самое пріятное, смѣющеся выраженіе; послѣднее дѣжалось въ видахъ хорошаго впечатлѣнія на публику, которая ни подъ какимъ видомъ не должна была подозрѣвать трудности при напряженіи мускуловъ, боли въ суставахъ плечъ и судорожнаго скиманія въ груди.

Достиженіе такихъ результатовъ сопровождалось часто такимъ раздирающимъ дѣтскимъ визгомъ, такими криками, что товарищи Беккера врывались въ его комнату и отнимали изъ рукъ его мальчика.

Начиналась брань иссора,—послѣ чего Пети приходилось иногда еще хуже. Иногда, впрочемъ, такое постороннее вмѣшательство оканчивалось болѣе миролюбивымъ образомъ.

Такъ было, когда приходилъ клоунъ Эдвардсъ. Онъ обыкновенно улаживалъ дѣло закуской и пивомъ. Въ слѣдовавшей затѣмъ товарищеской бесѣдѣ, Эдвардсъ старался всякий разъ доказать, что методъ обученія Беккера никуда не годится, что страхомъ и побоями ничего не возьмешь не только съ дѣтьми, но даже при обученіи собакъ и обезьянъ; что страхъ внушаетъ несомнѣнно робость, а робость первый врагъ гимнаста, потому что отымаешь у него уверенность и удалъ; безъ нихъ можно только вытянуть себѣ сухія жилы, сломать шею или перебить позвонки на спинѣ.

Въ примѣръ приводился часто акробатъ Ризлей, который такъ напугалъ собственныхъ дѣтей передъ представленьемъ, что когда пришлось подбросить ихъ ногами на воздухъ,—дѣти раза два перекувырнулись въ пространствѣ да тутъ-же прямехонько и шлепнулись на полъ...

— Бросились подымать, подхватывалъ Эдвардсъ, дѣлая выразительные жесты,—подняли, глядь: оба fertig! готовы! У обоихъ духъ вонъ! Дуракъ Ризлей потомъ застрѣлился съ горя,—да что-жъ изъ этого? Дѣтей своихъ всетаки не воскресилъ: fertig! fertig!..

И странное дѣло: каждый разъ какъ Эдвардсъ, разгоряченный бесѣдой и пивомъ, принимался тутъ-же показывать, какъ надо дѣлать ту или другую шутку, Петя исполнялъ упражненіе съ большей ловкостью и охотой.

Въ труппѣ всѣ уже знали воспитанника Беккера. Въ послѣднее время онъ добылъ ему изъ гардероба костюмъ клоуна и, набѣливая ему лицо, нашепывая румянами два клякса на щекахъ, выводилъ его во время представленья на арену; иногда для пробы, Беккеръ неожиданно подымалъ ему ноги, заставляя его пробѣжать на рукахъ по песку. Петя напрягалъ тогда всѣ свои силы; но часто онъ измѣняли ему; пробѣживъ на рукахъ нѣкоторое пространство, онъ вдругъ ослабѣвалъ въ плечахъ и тыкался головою въ песокъ,—чѣмъ пробуждалъ всегда веселый смѣхъ въ зрителяхъ.

Подъ руководствомъ Эдвардса онъ сдѣлалъ-бы, безъ сомнѣнія, больше успѣховъ; въ рукахъ Беккера дальнѣйшее развитіе очевидно замедлялось. Петя продолжалъ бояться своего наставника какъ въ первый день. Къ этому начинало примѣшиваться другое чувство, котораго не могъ онъ истолковать, но которое постепенно росло въ немъ, стѣсняло ему мысли и чувства, заставляя горько плакать по ночамъ, когда, лежа на тюфячкѣ, прислушивался онъ къ храпѣнью акробата.

И ничего, ничего Беккеръ не дѣлалъ, чтобы сколько нибудь привязать къ себѣ мальчика. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мальчику удавалась какая нибудь штука, Беккеръ никогда не обращался къ нему съ ласковымъ словомъ; онъ ограничивался тѣмъ, что снисходительно поглядывалъ на него съ высоты своего громаднаго туловища.

Проживъ съ Петей пѣсколько мѣсяцевъ, онъ точно взялъ его наканунѣ. Завиваясь тщательно каждый день у парикмахера цирка, Беккеру, повидимому, все равно было, что изъ двухъ рубашекъ, подаренныхъ мальчику прачкой Варварой,—остались лохмотья, что бѣлье на тѣлѣ мальчика иссилюсь иногда безъ перемѣны по двѣ недѣли, что шея его и уши были не вымыты, а сапожишки просили каши и черпали уличную грязь и воду. Товариши акробата, и болѣе другихъ Эдвардсъ,—часто укоряли его въ томъ; въ отвѣтъ Беккеръ петербургово посвистывалъ и щелкалъ хлыстикомъ по панталонамъ.

Онъ не переставалъ учить Петю, продолжая наказывать каждый разъ, какъ выходило что нибудь не ладно. Онъ хуже этого дѣлалъ.

Разъ, по возвращеніи труппы уже въ Петербургъ, Эдвардсъ подарилъ Петѣ щенка. Мальчикъ былъ въ вѣвосторгѣ; онъ носился съ подаркомъ по конюшнѣ и коридорамъ, всѣмъ его показывалъ и то и дѣло учащенно цѣловалъ его въ мокрую розовую мордочку.

Беккеръ, раздосадованный во время представленья тѣмъ, что его публика не вызвала, возвращался во внутренний коридоръ; увидѣвъ щенка въ рукахъ Пети, онъ вырвалъ его и носкомъ башмака бросилъ въ сторону; щенокъ ударился головкой въ сосѣднюю стѣну и тутъ-же упалъ, вытянувъ лапки.

Петя зарыдалъ и бросился къ Эдвардсу, выходившему въ эту минуту изъ уборной.

Беккеръ, раздраженный окончательно тѣмъ, что во кругъ послышалась брань,—однимъ движеньемъ оттолкнулъ Петю отъ Эдвардса и далъ ему съ размаху пощечину.

— *Schwein!* — Швынья!.. тьфу!.. сказалъ Эдвардсъ, отплевываясь съ негодованьемъ.

Но что ужъ дальше рассказывать!

Не смотря на легкость и гибкость, Петя былъ, какъ мы сказали выше, не столько гуттаперчевымъ, сколько несчастнымъ мальчикомъ.

IV.

Дѣтскія комнаты въ домѣ графа Листомирова располагались на южную сторону и выходили въ садъ. Чудное было помѣщеніе! Каждый разъ какъ солнце было на небѣ, лучи его съ утра до заката проходили въ окна; въ нижней только части, окна завѣшивались голубыми тафтяными занавѣсками для предохраненія дѣтскаго зреѣнія отъ излишняго свѣта. Съ тою же цѣлью по всѣмъ комнатамъ разостланъ былъ коверь также голубаго цвѣта и стѣны оклеены были не слишкомъ свѣтлыми обоями.

Въ одной изъ комнатъ вся нижняя часть стѣнъ была буквально заставлена игрушками; онѣ группировались тѣмъ разнообразнѣе и живописнѣе, что у каждого изъ дѣтей было свое особое отдѣленіе.

Пестрыя англійскія раскрашенныя тетрадки и книжки, кроватки съ куклами, картишки, комоды, маленькая кухни, фарфоровые сервизы, овечки и собачки на катушкахъ,— обозначали владѣнія дѣвочекъ; столы съ оловянными солдатами, картонная тройка сѣрыхъ коней, съ глазами страшно выпученными,увѣшанная бубенчиками и за-пряженная въ коляску, большой бѣлый козелъ, казакъ верхомъ, барабанъ и мѣдная труба, звуки которой приводили всегда въ отчаяніе англичанку миссъ Бликсъ, обозначали владѣнія мужскаго пола. Комната эта такъ и называлась „игральной“.

Рядомъ была учебная; дальше спальная, окна которой всегда были закрыты занавѣсками, приподымающимися тамъ только, гдѣ вертѣлась вентиляціонная звѣзда, очищавшая воздухъ. Изъ нея, не подвергая себя рѣзкой перемѣнѣ воздуха, можно было прямо пройти въ уборную, выстланную также ковромъ, но обшитую, въ нижней ея части, клеенкой; съ одной стороны находился большой умывальный мраморный столъ, установленный крупнымъ англійскимъ фаянсомъ; дальше, блистали бѣлизною двѣ ванны съ мѣдными кранами, изображавшими лебединыя головки; подлѣ возвышалась голландская печь съ изразцовымъ шкафомъ, постоянно наполненнымъ согрѣвающимися полотенцами. Ближе, по клеенчатой стѣнѣ, висѣлъ на тесемкахъ цѣлый рядъ маленькихъ и крупныхъ губокъ, которыми миссъ Бликсъ каждое утро и вечеръ обмывала съ головы до ногъ дѣтей, наводя красноту на ихъ нѣжное тѣло.

Въ среду, на масляницѣ, въ игральной комнатѣ было особенно весело. Ее наполняли восторженные дѣтскіе крики. Мудренаго нѣть; вотъ что было здѣсь между прочимъ сказано:— „Дѣточки, вы съ самаго начала масляницы были послушны и милы; сегодня у насъ среда; если вы будете такъ продолжать, — вѣсь въ пятницу вечеромъ возьмутъ въ циркъ!..“

Слова эти были произнесены тетей Соней, — сестрой графини Листомировой, — дѣвушкѣ лѣтъ тридцати пяти, сильной брюнеткой, съ пробивающимися усиками, но прекрасными восточными глазами необыкновенной доброды и мягкости; она постоянно носила черное платье, думая этимъ хоть скольконибудь скрыть полноту, начинавшую ей надоѣдать. Тетя Соня жила у сестры и посвятила жизнь ея дѣтямъ, которыхъ любила всѣмъ запасомъ чувствъ, не имѣвшихъ случая израсходоваться и накопившихся съ избыткомъ въ ея сердцѣ.

Не успѣла она проговорить свое обѣданье, какъ дѣти, слушавшія сначала очень внимательно, бросились со всѣхъ ногъ осаждать ее; кто цѣплялся за ея платье, кто усиливался влѣзть на ея колѣна, кто успѣлъ обхватить ея шею и осипалъ лицо поцѣлуйами; осада сопро-

вождалась такими шумными овациями, такими криками радости, что миссъ Бликсъ вошла въ одну дверь, въ другую вѣжала молодая швейцарка, приглашенная въ домъ какъ учительница музыки для старшей дочери; за ними показалась кормилица, державшая новорожденаго, укутанныаго въ одѣяло съ ниспадавшими до полу кружевными обшивками.

— *What is going on here?..* удивленно освѣдомилась миссъ Бликсъ,

Она представляла изъ себя чопорную высокую даму съ непомѣрно выдающеюся грудью, красными щеками, какъ-бы закапанными сургучемъ, и красною шеей свекловичнаго оттѣнка.

Тетя Соня объяснила вошедшемъ причину радости.

Раздались опять возгласы, опять крики, сопровождаемые прыжками, пируэтами и другими болѣе или менѣе выразительными изъявленіями радости. Въ этомъ порывѣ дѣтской веселости всѣхъ больше удивилъ Пафъ, — пятилѣтній мальчикъ, единственная мужская отрасль фамиліи Листомировыхъ; мальчикъ былъ всегда такимъ тяжелымъ и апатическимъ, но тутъ, подъ впечатлѣніемъ разговоровъ и того, что его ожидало въ циркѣ, — онъ вдругъ бросился на четверинки, поднялъ лѣвую ногу, и страшно закручивая языкъ на щеку, поглядывая на присутствующихъ своими киргизскими глазками, — принялъся изображать клоуна.

— Миссъ Бликсъ! подымите его, подымите скорѣе, — ему кровь бросится въ голову! проговорила тетя Соня.

Новые крики, новое скаканье вокругъ Пафа, который ни за что не хотѣлъ вставать и упорно подымалъ то одну ногу, то другую.

— Дѣти, дѣти... довольно! Вы кажется не хотите больше быть умными... Не хотите слушать... говорила тетя Соня, досадовавшая главнымъ образомъ за то, что не умѣла сердиться. Ну не могла она этого сдѣлать, — не могла, — не могла рѣшительно!

Она обожала „своихъ дѣтей“, какъ сама выражалась. Дѣйствительно, надо сказать, дѣти были очень милы.

Старшей дѣвочкѣ, Вѣрочкѣ, было уже восемь лѣтъ; за нею шла шестилѣтнія Зизи; мальчику, было, какъ сказано, — пять лѣтъ. Его окрестили Павломъ; но мальчикъ получалъ одно за другимъ различныя прозвища: Бѣби, Пузырь, Бутузъ, Булка и наконецъ Пафъ, — имя, которое такъ и осталось. Мальчикъ былъ пухлый, коротенький, съ рыхлымъ бѣлымъ тѣломъ, какъ сметана, крайне флегматического невозмутимаго нрава, съ шарообразною головою и круглымъ лицомъ, на которомъ единствено замѣтною чертою были маленькие киргизскіе глазки, раскрывавшіеся вполнѣ, когда подавалось кушанье или говорилось о Ѣдѣ. Глазки, смотрѣвшіе вообще сонливо, проявляли также оживленіе и беспокойство по утрамъ и вечеромъ, когда миссъ Бликсъ брала Пафа за руку, уводила его въ уборную, раздѣвала его до нага и, поставивъ на клеенку, принималась энергически его мыть огромной губкой, обильно напитанной водою; когда миссъ Бликсъ, при окончаніи такой операции, возлагала губку на голову мальчика и, крѣпко нажавъ губку, пускала струи воды по тѣлу, превращавшемуся тотчасъ же изъ бѣлого въ розовое, — глазки Пафа не только служивались, но пропускали потоки слезъ и вмѣстѣ съ тѣмъ раздавался изъ груди его тоненькой-тоненькой пискъ, не имѣвшій ничего раздраженнаго, но походившій скорѣе на пискъ куколь, которыхъ заставляютъ кричать, нажимая имъ животъ. Этимъ невиннымъ пискомъ впрочемъ все и оканчивалось. Съ исчезновенiemъ губки, Пафъ умолкалъ мгновенно, и уже потомъ миссъ Бликсъ могла обтирать его сколько угодно согрѣтымъ шаршавымъ полотенцемъ, могла завертывать ему голову, могла мыть и теребить его, — Пафъ выказывалъ такъ-же мало сопротивленія, какъ кусокъ сдобнаго тѣста въ рукахъ пекаря. Онъ часто даже засыпалъ между теплыми шаршавыми полотенцами

прежде, чѣмъ миссъ Бликсъ успѣвала уложить его въ постель, обтянутую вокругъ сѣткой и завѣшанную кисейнымъ пологомъ съ голубымъ бантомъ на маковѣ.

Нельзя сказать, чтобы мальчикъ этотъ былъ особенно интересенъ; но нельзя было не остановиться на немъ, такъ какъ онъ представлялъ теперь единственную мужскую отрасль фамилии графовъ Листомировыхъ и, какъ справедливо иногда замѣчалъ его отецъ, задумчиво глядя въ даль и меланхолически свѣшивая голову на бокъ: „Могъ,—кто знаетъ? могъ играть въ будущемъ видную роль въ отечествѣ!?”...

Предрѣшать будущее вообще трудно;—но какъ бы тамъ ни было, съ той минуты, какъ обѣщано было представленіе въ циркѣ,—старшая дочь, Вѣрочка, вся превратилась во вниманье и зорко слѣдила за поведеніемъ сестры и брата.

Едва-едва начинался между ними признакъ разлада,—она быстро къ нимъ подбѣгала, оглядываясь въ то же время на величавую миссъ Бликсъ, принималась скоро-скоро шептать что-то Зизи и Пафу и, поочередно цѣлюя то того, то другую, успѣвала всегда водворить между ними миръ и согласіе.

Эта Вѣрочка была во всѣхъ отношеніяхъ прелестная дѣвочка: тоненькая, нѣжная и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣжая какъ только что снесенное яичко, съ голубыми жилками на вискахъ и шеѣ, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ и большими сѣро-голубыми глазами, смотрѣвшими изъ-подъ длинныхъ рѣсицъ какъ-то всегда прямо, не по лѣтамъ внимательно; но лучшимъ украшеніемъ Вѣрочки были ея волосы пепельного цвѣта, мягкие какъ тончайшій шелкъ и такие густые, что миссъ Бликсъ долго билась по утрамъ, прежде чѣмъ могла привести ихъ въ должный порядокъ. Пафъ могъ конечно быть любимцемъ отца и матери, какъ будущій единственный представитель именитаго рода,—но Вѣрочка, можно сказать, была любимицей всѣхъ родныхъ, знакомыхъ и даже прислуги; мимо ея миловидности, ее любили за необыкновенную кротость нрава, рѣдкое отсутствіе капризовъ, привѣтливость, доброту и какую-то особенную чуткость и понятливость. Еще четырехъ лѣтъ, она съ самимъ серьезнымъ видомъ входила въ гостиную и, сколько бы ни было постороннихъ лицъ, прямо и весело шла къ каждому, давала руку и подставляла щеку. Къ ней даже особенно какъ-то относились, чѣмъ къ другимъ дѣтямъ. Вопреки давно принятому обычью въ семье графовъ Листомировыхъ, давать различныя сокращенія и болѣе или менѣе фантастическія прозвища дѣтямъ, Вѣрочку иначе не называли, какъ ея настоящимъ именемъ. Вѣрочка была,—Вѣрочкой и осталась.

Что говорить, у нея, какъ и у всякаго смертнаго, были свои слабости, вѣрнѣе была одна слабость; но и она какъ бы скорѣе служила гармоническимъ дополненіемъ ея характеру и наружности. Слабость Вѣрочки, заключавшаяся въ сочиненіи басенъ и сказокъ, проявилась первый разъ, какъ ей минулъ шестой годъ. Войдя однажды въ гостиную, она при всѣхъ неожиданно объявила, что сочинила маленькую басню и тутъ же, ни мало не смущаясь, съ самимъ убѣжденіемъ видомъ, принялась рассказывать исторію про волка и мальчика, дѣлая очевидныя усиленія, чтобы нѣкоторыя слова выходили въ риѳму. Съ тѣхъ поръ, одна басня смѣяла другую и, не смотря на запрещеніе графа и графини возбуждать рассказами сказокъ воображеніе и

безъ того уже впечатлительной и первной дѣвочки,—Вѣрочка продолжала дѣлать свои импровизаціи. Миссъ Бликсъ не разъ должна была ночью приподыматься съ постели, засыпавъ какой-то странный шепотъ, исходившій изъ-подъ кисейного полога надъ постелью Вѣрочки. Убѣдившись, что дѣвочка, вмѣсто того, чтобы спать, произноситъ какія-то непонятныя слова, англичанка дѣлала ей строгій выговоръ, приказывая заснуть немедленно,—приказаніе, которое Вѣрочка тотчасъ же исполняла со свойственной ей кротостью.

Словомъ, это была та самая Вѣрочка, которая, вѣживавъ какъ-то въ гостиную и заставъ тамъ сидѣвшаго съ матерью извѣстнаго нашего поэта Тютчева, ни за что не хотѣла согласиться, что сѣдой этотъ старичекъ могъ сочинять стихи; напрасно увѣряли мать и самъ Тютчевъ,—Вѣрочка стояла на своемъ; поглядывая недовѣрчиво на старика своими большими, голубыми глазами, она повторяла:

— Нѣтъ, мама, это не можетъ быть!..

Замѣтивъ наконецъ, что мать начинаетъ сердиться, Вѣрочка взглянула ей робко въ лицо и проговорила сквозь слезы:

— Я думала, мама, что стихи сочиняются только ангелы...

Съ самой середы, когда обѣщано было представленіе въ циркѣ, до четверга,—благодаря нѣжной заботливости Вѣрочки, ея умѣнью развлекать сестру и брата, оба вели себя самыми примѣрными образомъ. Особенно трудно было управиться съ Зизи,—дѣвочкой болѣзнейной, замореной лекарствами, въ числѣ которыхъ тресковый жиръ игралъ видную роль и служилъ всегда поводомъ къ истерическимъ рыданьямъ и капризамъ.

Въ четвергъ на масляницѣ тетя Соня вошла въ игральную комнату. Она объявила, что такъ какъ дѣти были умны, она, проѣздомъ въ городъ, желаетъ купить имъ игрушекъ.

Радостныя воскликанія и звонкіе поцѣлуи опять наполнили комнату. Пафъ также оживился и заморгалъ своими киргизскими глазками.

— Ну, хорошо, хорошо,—сказала тетя Соня,—все будетъ по вашему: тебѣ, Вѣрочки, рабочій ящикъ,—ты знаешь, папа и мама не позволяютъ тебѣ читать книги;—тебѣ Зизи куклу...

— Которая-бы кричала!.. воскликнула Зизи.

— Которая-бы кричала!—повторила тетя Соня,—ну, а тебѣ, Пафъ, тебѣ что? Что ты хочешь?..

Пафъ задумался.

— Ну, говори-же, что тебѣ купить?..

— Купи... купи собачку,—только безъ блохъ!.. добавилъ неожиданно Пафъ.

Единодушный хохотъ былъ отвѣтомъ на такое желанье. Смѣялась тетя Соня, смѣялась кормилица, смѣялась даже чопорная миссъ Бликсъ, обратившаяся впрочемъ тотчасъ-же къ Зизи и Вѣрочкѣ, которые начали прыгать вокругъ брата и, заливаясь смѣхомъ, принялись тормошить будущаго представителя фамилии.

Послѣ этого, всѣ снова повисли на шеѣ доброй тети и до-красна зацѣловали ея щеки и щеки.

— Ну, довольно, довольно, съ ласковой улыбкой произнесла тетя,—хорошо; я знаю, что вы меня любите; и я люблю васъ очень... очень... очень!.. И такъ, Пафъ, я куплю тебѣ собачку: будь только уменъ и послушенъ; она будетъ безъ блохъ!..

(Окончаніе въ слѣд. №)

ДЕНЬ ОТДЫХА.

Разсказъ Л

I.
Въ прекрасную лѣтнюю ночь въ Мюнхенѣ послѣ 12 часовъ, когда должны заираться всѣ пивные, въ одномъ изъ пивныхъ погребовъ сидѣла за круглымъ столомъ большая компания гостей, которые, какъ видно, далеко еще не были расположены

кончить пріятельскую бесѣду. Нехотя одинъ за однимъ или небольшими партіями оставляли они гагреbъ, направляясь обратно въ городъ черезъ мостъ, подъ кѣстымъ пѣнилась горная рѣка, какъ бы журча возвращающимся домой—„доброй ночи.“ И дѣйствительно ночь была хороша. Завтра воскресенье,

Когда аудиторъ сталъ просить у хозяина гостиницы экипажъ до Розенгейма, тотъ наотрѣзъ отказалъ ему въ этомъ.

— Сегодня кто же пойдетъ? сказалъ онъ смеясь; сегодня мы будемъ веселиться!

Комнаты для ночлега не было; да еслибы и была, то кто-бы разбудилъ аудитора во-время. А потому, подкрайнившись цищей, онъ пустился по дорогѣ въ Розенгеймъ.

Было уже поздно, когда онъ достигъ Панга. Пройдя его, онъ встрѣтилъ старуху, которая дружески пожелала ему „доброй ночи.“

Сегодня вѣрно ужъ такъ суждено. Первое доброе утро было сказано мнѣ моей старухой и послѣднее „доброй ночи“ онъ услышалъ отъ старухи же. Но быть можетъ, думалъ онъ, „доброе утро“ старухи приносить несчастье, а „доброй ночи“— счастье. И онъ спросилъ старуху, откуда она идетъ въ такое позднее время.

— Изъ Розенгейма, былъ отвѣтъ, я шла черезъ Пангерфильцъ и это мнѣ сократило дорогу на цѣлый часъ.

— Черезъ Пангерфильцъ? спросилъ аудиторъ. Можно тамъ пройти ночью, не опасно?

— Что вы? Богъ съ вами! что тамъ можетъ случиться? И если послушаете моего совѣта, то лучшая дорога черезъ мостъ по тропинкѣ.

— И это сократить мнѣ путь на цѣлый часъ? спросилъ еще разъ аудиторъ.

— Непремѣнно, вы увидите. Доброй ночи; счастливаго пути! сказала старуха и зашагала со своей ношей на спинѣ.

— Въ ивановскую ночь эту старуху можно было бы принять за вѣдьму, думалъ про себя аудиторъ, улыбаясь. Что если это и въ самомъ дѣлѣ вѣдьма, которая направила меня на ложный путь?

Онъ между тѣмъ прошелъ уже Пангерфильцъ. Сначала все шло хорошо, дорога была довольно широка; но вскорѣ онъ едва сталъ ее отличать отъ болотистаго грунта. Онъ надѣялся, что дальше пойдетъ лучше и шелъ впередъ. Мало по малу грунтъ становился все мягче и съ каждымъ шагомъ почва колебалась подъ его ногами. Онъ былъ очень доволенъ, когда въ сомнительныхъ мѣстахъ находилъ доски, положенные на тропинку. Темная, какъ кофейная гуща, потянулись болота, и въ кэрѣ нашъ путникъ потерялъ дорогу. Куда идти? Ни одного человѣческаго существа нѣтъ далеко въ окружности.

Путникъ нашъ началъ размышлять, что предпринять дальше. Осторожно вернулся онъ къ тому мѣсту, где потерялъ тропинку, но были тутъ лужи грязи; двигаться можно было только очень медленно. И когда достигъ маленькаго ручья, онъ рѣшился слѣдоватъ вверхъ по его течению. Скоро за низкимъ терновымъ кустарникомъ онъ увидѣлъ домъ и свѣтъ лампы, которая стояла на окнѣ нижней комнаты. Радостно поспѣшилъ туда аудиторъ. Вдругъ онъ остановился, и глаза его жадно устремились на картинку, которая ему представилась. У окна сидѣла старуха въ длинной бѣлой рубахѣ, съ головой, опущенной на грудь; она спала. Около нея стояла прялка съ куделью. Свѣтъ озарялъ ея старое, морщинистое, пожелтѣвшее лицо. Первыя минуты аудиторъ не зналъ, что ему дѣлать. Не сонъ ли это? Но нѣтъ, онъ не спитъ!

— Эй! крикнулъ онъ наконецъ, подходя къ окну.

Старуха испугалась, быстро потушила лампу и глубокая тьма воцарилась кругомъ.

— Эй! крикнулъ онъ опять. Прошу, укажите мнѣ дорогу.

Въ тоже мгновеніе онъ ясно услышалъ надъ собой, въ отверстіи крыши, трескъ взводимаго курка. Путникъ былъ очевидно не въ безопасности и поспѣшилъ снова объяснить цѣль своего посѣщенія.

— Я заблудился, сказалъ онъ. Не можетъ ли меня ктонибудь провести за хорошую плату до Розенгейма.

— А! послышался мужской голосъ съ крыши. Стало быть ты не изъ здѣшнихъ?

— Нѣтъ, возразилъ аудиторъ по возможности дружелюбно. Я изъ Мюнхена и хочу сегодня же почасть въ Розенгеймъ.

— Такъ, такъ, ты изъ города. Кто же тебя направилъ сюда ночью.

— Какая то старуха около Панга сказала мнѣ, чтобы я шелъ по этой дорогѣ, и я былъ такъ неостороженъ, что повѣрилъ ей.

— А! Старуха эта уже нѣсколькоихъ присыпала къ намъ ночью. Подожди я сейчасъ сойду внизъ.

Аудиторъ сѣлъ на скамейку около дома; онъ ждалъ очень долго и уже сталъ думать, что обѣ немъ забыли. Но вотъ внутри дома послышались шаги и свѣтъ показался въ комнаткахъ. Онъ увидѣлъ здоровеннаго парня, баварскаго крестьянина въ шляпѣ и съ палкою въ рукахъ, и старуху, которая теперь была уже одѣта. Старуха рыдала какъ малое дитя и крестила парня. Аудиторъ не видѣлъ лица крестьянина; ему казалось страннымъ, что старуха, отпуская парня на такое короткое время, благословляетъ, какъ будто отправляя его въ далекій путь.

— Ну, вотъ я и готовъ,—произнесъ крестьянинъ, выходя изъ дома.—Теперь пойдемте съ Богомъ!

— Я буду вамъ очень благодаренъ, если вы выведете меня изъ этого лабиринта,—вразбрѣлъ молодой человѣкъ и пошелъ рядомъ съ парнемъ.

— Для меня это не составить труда,—отвѣчалъ крестьянинъ. Я самъ долженъ поспѣть въ Розенгеймъ къ первому поѣзду на Мюнхенъ. Моя старуха вотъ и не сиала, чтобы разбудить меня во-время. Я вчера поздно вернулся съ вечера ветерановъ, гдѣ пропустилъ малую толику...

— Ты вѣрно былъ солдатомъ, если приглашенъ на празднество ветерановъ?

— Конечно былъ, вразбрѣлъ парень. Иначе ты бы не видѣлъ теперь меня отправляющимся въ Мюнхенъ. Нелегкая внутала меня въ исторію. Будь теперь осторожнѣй—мы идемъ черезъ болото по подмосткамъ, которые не очень-то надежны.

Молодой человѣкъ осторожно слѣдовалъ за парнемъ.

— Вотъ! воскликнулъ парень, останавливаясь на серединѣ подмостковъ.—Вотъ бы теперь съ удовольствиемъ сбросить отсюда въ болото того, кто причиной, что я вчера такъ много пилъ и сегодня долженъ отправляться въ Мюнхенъ!

— О комъ ты говоришь? спросилъ аудиторъ у возмущавшагося, при воспоминаніи о своемъ врагѣ, парня.

— Я говорю объ одномъ аудиторѣ, который не оставлялъ разслѣдованія дѣла до тѣхъ поръ, пока не притянули меня къ суду за нарушеніе дисциплины. И вотъ сегодня я долженъ буду предстать предъ военнымъ судомъ и по всей вѣроятности буду признанъ виновнымъ.

— Въ такомъ случаѣ ты Іоганъ Пангереръ? спросилъ аудиторъ, не подумавъ.

— Ты меня знаешь? спросилъ коротко парень.—Да, я Іоганъ Пангереръ. А кто же ты такой?

Аудиторъ не нашелся сразу, что отвѣтить. Теперь онъ сталъ осторожнѣй, зная, какая ему угрожаетъ опасность и сказалъ:

— Я тебя не знаю, но старая женщина, встрѣтившаяся мнѣ въ Пангѣ, сказала, что я могу найти тебя здѣсь и что ты въ случаѣ нужды укажешь мнѣ путь въ Розенгеймъ.

Пусть читатель представить себѣ положеніе аудитора, среди поля, въ глубокую полночь, одинъ на одинъ съ много вышившимъ парнемъ, который по его предложенію будетъ судиться военнымъ судомъ. Онъ почувствовалъ облегченіе, когда его щутникъ зашагалъ дальше.

— Кто ты такой? спросилъ парень вторично.

— Я? чиновникъ изъ Мюнхена, отвѣчалъ не сразу аудиторъ.

— И въ концѣ концовъ судейский? спросилъ грубо Гансъ.

— О нѣтъ, отвѣчалъ аудиторъ, въ то время какъ они опять встали на шаткие подмостки. Я служу на почтѣ.

— На почтѣ? спросилъ Пангереръ.—Ну это мнѣ еще по душѣ. Но я терпѣть не могу судейскихъ, особенно кривоносаго аудитора.

— Ты вѣрно къ нему пристрастенъ,—сказалъ по возможностямъ ласковымъ голосомъ аудиторъ. Каждый исполняетъ свои обязанности такъ, какъ ему велитъ долгъ.

— Если ты его будешь защищать,—вскричалъ злобно Гансъ, я тебя брошу посреди этихъ болотъ и одинъ пойду своей дорогой!

— Но я вѣдь ничего не знаю о твоемъ дѣлѣ,—сказалъ, не особенно хорошо себя чувствуя, аудиторъ.

— Есть у тебя, по крайней мѣрѣ, сигары? спросилъ парень. Если хочешь, я тебѣ все расскажу.

Аудиторъ поспѣшилъ предложить проводнику всѣ сигары, которыя еще у него оставались.

— Благодарю, сказалъ парень; у тебя вѣрно есть и огонь?

— Съ удовольствиемъ,—сказалъ аудиторъ.—Вынулъ спичечницу, но не рѣшаюсь зажечь, протянулъ ее парню и самъ отошелъ въ сторону.

— Ну, ты долженъ самъ зажечь! сказалъ парень. Я въ ней ровно ничего не понимаю.

Аудиторъ былъ въ ужасномъ положеніи. Если онъ зажжетъ спичку и освѣтитъ свое лицо, проводникъ навѣрно узнаетъ его. А что затѣмъ должно послѣдоватъ, онъ представлялъ себѣ очень наглядно. „Только бы онъ не замѣтилъ моего изогнутаго носа,—подумалъ про себя аудиторъ, а то эта примѣта можетъ меня выдать“.

— Попробуй только, сказалъ онъ парню, и ты ее тотчасъ откроешь.

— Будь такъ добръ, отвѣчалъ парень, дай мнѣ огня самъ! Я очень бы хотѣлъ покурить сигару.

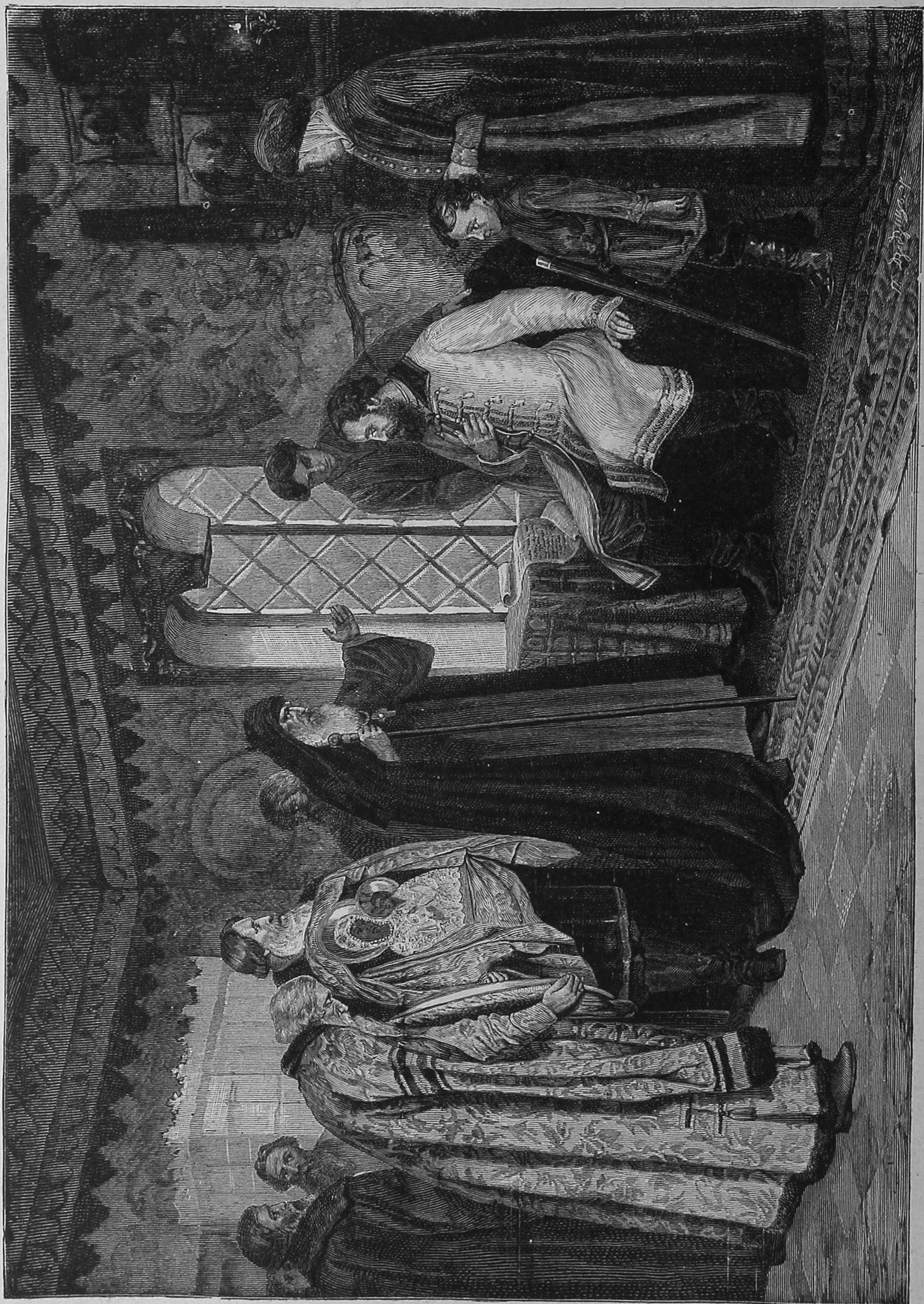
Аудитору ничего больше не оставалось, какъ зажечь спичку. Онъ былъ въ сильномъ страхѣ. Съ лицомъ, слегка отвороченнымъ въ сторону, онъ протянулъ правой рукой зажженную спичку парню, а лѣвой прикрылъ лицо.

— Чортъ возьми! воскликнулъ онъ, сѣра отъ спички прямо мнѣ въ носъ и въ ротъ.

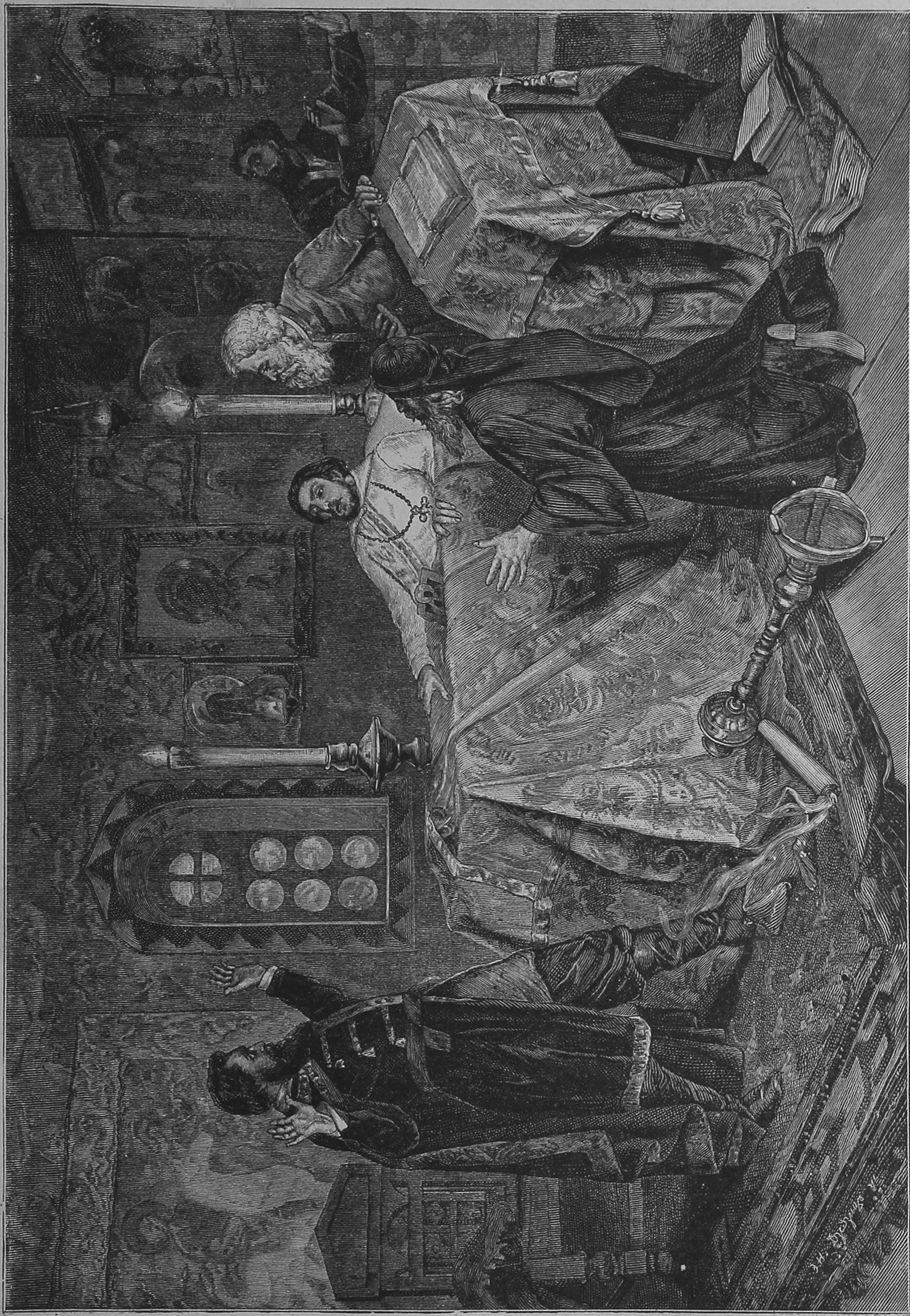
— Въ восковыхъ спичкахъ вѣдь, кажется, нѣтъ сѣры, замѣтилъ Гансъ.

Сигара была зажжена и они пошли дальше.

Парень продолжалъ: „Ты не долженъ думать, что я дурной человѣкъ потому, что подалъ подъ военный судъ. Я прилежный работникъ и только по воскресеньямъ пью пиво и весь мой проступокъ въ томъ, что я даль пощечину унтеръ-офицеру Ботшу. Объ этомъ узналъ фельдфебель и донесъ. Я не хотѣлъ дѣлать унтеръ-офицера несчастнымъ, иначе я открылъ бы истину. Командиръ нашъ не придалъ этому особаго значенія, по-

Посольство у князя Дмитрия Михайловича Пожарского 1611 г.
(1-ая золотая медаль). Съ картины В. И. Савинского грав. Дзедиць. Фотографии Вишнякова и Ланцевъ.

Пробужденіе князя Дмитрія Краснаго.
(1-я золотая медаль). Съ картины А. Селезнева грав. Дзедицъ. Фотографии Витнякова и Лаптевъ.

тому что Ботишъ могъ также пострадать чрезъ это. Но аудиторъ началъ разслѣдовать дѣло, долго и всюду разузнавалъ о немъ, и кончилось тѣмъ, что меня дѣйствительно притянули къ суду, и теперь, по всей вѣроятности, засадить на цѣлые мѣсяцы въ тюрьму. Кто будетъ заботиться въ это время о моей старой бабушкѣ! Деньги, которыхъ я ей оставилъ, скоро будутъ израсходованы и бѣдная старуха умретъ съ голоду, если ей ктонибудь не подастъ милости.

— Да, это въ высшей степени печально, сказалъ аудиторъ. Знаешь, я тебѣ дамъ немного для твоей бабушки; ты можешь ей это выслать изъ Мюнхена.

— Ну хорошо! воскликнулъ парень. Я не зналъ, что почтовые чиновники такие добросердечные люди.

— Что ты хотѣлъ сказать, говоря, что не хотѣлъ сдѣлать унтеръ-офицера несчастнымъ? спросилъ аудиторъ. Каждому, вѣдь, свой интересъ ближе всего. Если ты знаешь обстоятельства, которыхъ смягчаютъ вину, ты не долженъ о нихъ молчать.

— Боже милостивый! вздохнулъ парень. Тяжело мнѣ на другихъ наклепать несчастье!

— Ну мнѣ-то ты можешь разказать, вѣдь я человѣкъ посторонний, почтовый чиновникъ.

— Да, да, я тебѣ все разскажу, но ты долженъ никому обѣ этомъ не говорить. Дѣло было такъ: У моего сосѣда въ казармѣ, рядового Фризигера, были украдены часы со стѣны, гдѣ они обыкновенно висѣли. Это сдѣлалъ никто другой, какъ унтеръ-офицеръ Ботишъ. Фризигеръ видѣлъ его крадущимся къ своей постели и кроме того въ этотъ же день онъ уплатилъ долгъ полковой маркианткѣ. Ботишъ устроилъ дѣло такъ, что подозрѣніе въ кражѣ пало на меня, онъ полагалъ, что смирный, добродушный парень позволить все свалить на себя. Вскрѣпѣ, въ одно изъ воскресеній, я, вернувшись изъ караула, улегся послѣ обѣда спать. Часы мои висѣли надъ постелью. Въ комнатѣ никого не было. Вижу я, отворяется дверь и унтеръ-офицеръ крадется ко мнѣ. Я прикинулся, что крѣпко сплю. Щурясь, однако, вижу, какъ онъ подошелъ къ моей кровати и ловкимъ движеніемъ руки схватилъ часы, съ тѣмъ чтобы ихъ сорвать. Я быстро вскочилъ, вырвалъ у него часы и закатилъ ему такую пощечину, что онъ вѣрно ее еще и до сихъ поръ помнитъ. Въ это мгновеніе фельдфебель отворилъ дверь. „Ради Бога, сказалъ унтеръ-офицеръ, не дѣлай меня несчастнымъ!“ И сказалъ фельдфебелю, что хотѣлъ разбудить меня, чтобы я не валялся днемъ и что я за это закатилъ ему пощечину. Я промолчалъ. Меня взяли подъ арестъ и приписали, что я это сдѣлалъ съ просонья. Но тутъ явился аудиторъ и началъ разслѣдовать дѣло и вкривь и вкорь, такъ что наконецъ меня притянули въ судъ. Унтеръ-офицеръ просилъ меня потомъ на колѣняхъ, чтобы я не выдалъ его. Онъ былъ изъ хорошей, честной фамиліи и я не хотѣлъ сдѣлать его несчастнымъ, тяготящимся своей жизнью. Такимъ образомъ мнѣ, здорово живѣши, достался горький кусокъ. Но за то совсѣмъ моя спокойна; только вотъ бѣдная старуха,—за нее мнѣ больно.

— Сигара моя потухла, потрудись еще разъ вожечь огонь.

Аудиторъ снова былъ въ замѣшательствѣ; онъ протянулъ парню спичку и опять прикрылъ лицо рукой, но теперь парень не обратилъ на это вниманія. Они шли по мосту и уже видѣнъ былъ свѣтъ на Розенгеймской станціи. Аудиторъ вздохнулъ свободнѣе. Онъ радовался, что скоро ужъ наступитъ минута, когда можно будетъ поблагодарить парня за труды и разстаться съ нимъ. Не доходя станціи, парень распрошался, чтобы зайти къ своему знакомому отдохнуть нѣсколько часовъ. Аудиторъ далъ ему нѣсколько таллеровъ, отъ которыхъ толькъ сначала отказывался, наконецъ согласился взять для своей больной старухи. Аудиторъ сказалъ, что сегодня онъ еще увидеть его въ Мюнхенѣ, такъ какъ самъ хочетъ присутствовать на судѣ и быть можетъ онъ ему тамъ будетъ не бесполезенъ.

— Ну это-то положимъ! Съ нашимъ аудиторомъ не очень-то будешь разсуждать!

— И такъ до свиданья! Съ этими словами аудиторъ разстался съ парнемъ и почувствовалъ теперь себя свободнѣй. Всѣ непрѣятности дня и ночи вознаграждались слuchаемъ, остающимся свѣтлымъ воспоминаніемъ на всю жизнь, слuchаемъ, который даетъ возможность спасти въ самый послѣдній моментъ доброго человѣка отъ незаслуженного наказанія.

Было уже около двухъ часовъ ночи, когда аудиторъ достигъ дверей гостиницы „Крайцеръ“. Онъ приказалъ хозяину разбудить себя къ мюнхенскому поѣзду и заказать экипажъ, чтобы доѣхать до станціи.

Поѣздъ отходилъ въ 5 ч. 50 мин. и такимъ образомъ онъ надѣялся поспать еще часа три. Но улегшись онъ не рѣшался заснуть, все время боясь опоздать. Ему пришла на мысль сцена въ одномъ изъ сочиненій Мозера, гдѣ описывается, какъ старый господинъ, чтобы не заснуть, держалъ въ рукахъ лейку, которая, какъ только онъ засыпалъ, съ шумомъ падала и будила его. Вспомнивъ это, онъ тоже взялъ въ одну руку большую стеклянную кружку, предназначенную для воды, а другой рукой началъ дѣлать замѣтки въ своей книжкѣ, которая имѣла прямое отношеніе къ разсказу парня. Онъ писалъ долго; кругомъ было тихо, всѣ давно уже спали; вдругъ зазвенѣло и разбитая кружка лежала на полу. Изъ сосѣдней комнаты по-

сыпались проклятія на виновника этого шума. Теперь аудиторъ счелъ за лучшее ходить по комнатѣ, но забылъ при этомъ снять сапоги. Черезъ десять минутъ кто-то постучался въ дверь.— „Что вы тамъ дѣлаете?“ послышался вопросъ. Дайте, по крайней мѣрѣ, хоть другимъ спать, если у васъ самихъ бѣлая горячка!“ Аудиторъ согласился, что сосѣдъ былъ правъ; скинувъ сапоги и въ однихъ носкахъ продолжалъ ходить, по временамъ съ закрытыми глазами. И когда онъ въ это время натыкался на столь или стуль, то пробуждался. Такъ продолжалось до самаго разсвѣта.

Въ 4 часа взошло солнце и онъ уже не хотѣлъ дольше оставаться въ гостинице. Онъ поспѣшилъ на станцію, взять билетъ первого класса и усѣлся такъ, чтобы не быть замѣченнымъ своимъ ночнымъ проводникомъ. Ровно въ 5 час. 50 мин. поѣздъ отошелъ. Теперь сильно измученный аудиторъ заснулъ крѣпкимъ сномъ и спалъ до тѣхъ поръ, пока кондукторъ не крикнулъ въ купѣ: „Мюнхенъ!“

III.

Ровно въ девять часовъ утра собрался военный судъ въ полномъ составѣ. Аудиторъ въ формѣ и съ шляпою въ рукахъ выгляделъ блѣднымъ, съ опухшими глазами.

— Вы больны! сказалъ оберъ-лейтенантъ, предсѣдатель суда. У васъ такой ужасный видъ!

— О нѣтъ, я себя чувствую очень хорошо, возразилъ аудиторъ. Я только очень много потрудился въ эту ночь надъ сегодняшнимъ дѣломъ.

— А! сказалъ оберъ-лейтенантъ. Серьезно, если вы нездоровы, я отложу засѣданіе.

— Вотъ еще; подумайте только, сколько вызвано свидѣтелей, при томъ же весь судъ уже собрался, сказалъ аудиторъ. Нѣужели вы думаете, что я, ради одной беспокойно-проведенной ночи, позволилъ бы причинить излишнее беспокойство столькимъ лицамъ? Вотъ лучше, если хотите, я вамъ доложу, что всѣ свидѣтели и подсудимый на лицо, такъ что можно начать засѣданіе.

— Но если вы свалитесь со стула? сказалъ улыбаясь оберъ-лейтенантъ.

— Я буду сидѣть твердо, возразилъ аудиторъ, и вы увидите, какъ хорошо я буду исполнять свою обязанность.

Предсѣдатель и судья сѣли на свои мѣста. Послѣ провѣрки свидѣтелей, ихъ привели къ присягѣ и удалили изъ залы засѣданія. Затѣмъ по требованію предсѣдателя былъ введенъ подсудимый. При видѣ мощнаго парня у аудитора скользнула на губахъ улыбка. Пангереръ недружелюбно взглянула на аудитора; онъ и не подозрѣвалъ, кого сегодня ночью провожалъ черезъ Пангерфильцъ.

Аудиторъ началъ обычный допросъ. Подсудимый стоялъ на своемъ первоначальномъ показаніи и утверждалъ, что даль унтеръ-офицеру пощечину съ просонья. Нѣсколько свидѣтелей утверждали, что Пангереръ давно питалъ злобу къ унтеръ-офицеру.

Спрощенный унтеръ-офицеръ Ботишъ подтвердилъ то, что показалъ на предварительномъ слѣдствіи, но не сказалъ положительно, ударили ли его Пангереръ съ просонья, или нѣтъ. Судебное слѣдствіе было этимъ закончено; прокуроръ подтвердилъ фактъ преступленія противъ дисциплины и вынесъ обвинительный приговоръ, по которому обвиняемый долженъ быть подвергнутъ годичному заключенію въ тюрьмѣ.

Бѣдный парень поблѣдѣлъ какъ смерть, услыхавъ эти слова. Аудиторъ догадывался, что онъ вспомнилъ въ это время про свою бабушку. Прежде чѣмъ защитникъ началъ свою рѣчь, аудиторъ просилъ позволенія сообщить суду вновь добытые имъ факты, которые могутъ послужить въ пользу подсудимаго, и разрешилъ ему предложить еще нѣсколько вопросовъ унтеръ-офицеру Ботшу и рядовому Фризигеру.

— Унтеръ-офицеръ Ботишъ, слыхали ли вы приговоръ суда по дѣлу рядового Пангерера? спросилъ аудиторъ. Онъ будетъ пожалѣнъ въ тюрьму на одинъ годъ. Подумайте хорошенько, не припомните ли вы какихъ либо обстоятельствъ, которыхъ могли бы смягчить проступокъ этого солдата.

Унтеръ-офицеръ отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ? спросилъ аудиторъ.— Можетъ вы скрываете свою собственную вину, не желая себя скомпрометировать или подвергнуться наказанію. Но это не честно и въ высшей степени малодушно, если чрезъ это долженъ страдать неповинный и тѣмъ болѣе человѣкъ, который составляетъ единственную поддержку своей престарѣлой бабушки, безъ которой она принуждена будетъ голодать; человѣкъ, который никогда не подвергался взысканіямъ, и единственный недостатокъ которого составляетъ вспыльчивость; словомъ, человѣкъ, дѣйствительно заслуживающій полного уваженія.

Аудиторъ проговорилъ все это дрожащимъ голосомъ; Гансъ Пангереръ не вѣрилъ своимъ ушамъ. При упоминаніи объ его бабушкѣ, онъ не могъ удержаться отъ слезъ.

— Да, да,—говорилъ онъ,— бѣдная старуха этого не перенесетъ. Какъ онъ все это знаетъ, я не говорилъ обѣ этомъ никому?

Въ судѣ замѣтно было волненіе.

— Однако ваше здоровье лучше, чѣмъ я думалъ,—сказалъ

тель сидящему около него аудитору. По говорите же, если вы чтонибудь знаете!

Для подкрепления аудиторъ выпилъ стаканъ воды и, обращаясь опять къ Ботшу, спросилъ его:

— И такъ, вы не имеете ничего сказать?

— Нѣтъ, отвѣчалъ спрошенный нагло.

— Ну, въ такомъ случаѣ я самъ вамъ нѣчто разскажу, продолжалъ аудиторъ. 2-го февраля, въ день Срѣтенія замѣ доку чала маркитантка съ уплатой долга, грозя, въ противномъ случаѣ, жалобой командиру. Утромъ у васъ не было денегъ, а вечеромъ вы заплатили долгъ. Откуда вы взяли ихъ?

— У моихъ знакомыхъ, отвѣчалъ унтеръ-офицеръ.

— А я такъ знаю обѣ этомъ больше, сказалъ аудиторъ. Вы продали часы.

Унтеръ-офицеръ стоялъ совершенно блѣдный.

— Почему вы такъ поблѣднѣли? спросилъ предсѣдатель. Подтверждаете ли вы, что это правда?

— Да, сказалъ унтеръ-офицеръ, я продалъ свои часы.

— И такъ мы уличили уже васъ въ одной неправдѣ, продолжалъ аудиторъ. Сначала вы говорили, что деньги получили отъ знакомыхъ, теперь же сознаетесь, что продали часы. Но я знаю, что проданные часы не были вашей собственностью, вы взяли ихъ у рядового Фризигера, если хотите, украли. Далѣе, вы хотѣли свой преступный промыселъ примѣнить и къ обвиняемому здѣсь на судѣ рядовому Пангереру. Когда вы его считали спящимъ, вы подкрались къ его кровати, сняли со стѣны часы, но Пангереръ поймалъ васъ и учинилъ съ вами расправу. Развѣ это было не такъ?

Унтеръ-офицеръ не могъ возразить ни слова. Онъ зашатался и его принуждены были подвести къ стулу.

— Сознаетесь ли вы? крикнулъ предсѣдатель. Откровенное сознаніе смягчить вашъ поступокъ. Такъ-ли это было.

— Да, сказалъ надтреснутымъ голосомъ унтеръ-офицеръ. Ему сдѣлалось дурно и его увели изъ залы суда.

Пангереръ смотрѣлъ на аудитора взглядомъ, полнымъ благодарности, и казалось спрашивалъ: откуда онъ все это знаетъ?

Прокуроръ просилъ слова и на основаніи новыхъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ просилъ судъ смягчить подсудимому наказаніе, именно уменьшить срокъ заключенія до одного мѣсяца.

Зашитникъ обрисовалъ характеръ парня въ такихъ красахъ, что было вполнѣ естественно, что при отборѣ голосовъ

совѣтъ „виновенъ или нѣтъ“, большинство судей было на сторонѣ Пангерера и признали нужнымъ освободить его отъ наказанія, о чёмъ предсѣдатель и возвѣстилъ обвиняемому. Парень, сияя счастьемъ, подошелъ къ аудитору, съ желаніемъ поцѣловать ему руку.

— Скажите-же мнѣ, откуда вы все это такъ хорошо знаете? спросилъ Пангереръ.

— Откуда? возразилъ аудиторъ улыбаясь. Отъ тебя самого.

— Отъ меня? Я никогда не говорилъ обѣ этомъ никому.

— Совсѣмъ никому? спросилъ аудиторъ. А я между тѣмъ сегодня ночью слышалъ обѣ этомъ разговорѣ.

— Сегодня ночью? Гдѣ? спросилъ парень, тупо глядя на аудитора.

— Въ Пангерфильцѣ, возразилъ этотъ.

— Да, это правда, сказалъ опѣщенный парень. Я рассказывалъ обѣ этомъ почтовому чиновнику, но онъ далъ мнѣ слово молчать.

— Онъ мнѣ повѣдалъ это какъ тайну, сказалъ улыбаясь аудиторъ. Еслибы я самъ съ моимъ кривымъ носомъ былъ тамъ съ тобой, ты навѣрно, по злобѣ своей, сбросилъ бы меня въ болото.

— Господи! воскликнулъ теперь Гансъ. Почтовый чиновникъ—быть ты самъ! Да, да, кривой носъ и сегодня бросился мнѣ въ глаза! Прости меня!

Аудиторъ протянулъ ему руку. Собравшихся офицеровъ съ оберъ-лейтенантомъ во главѣ сильно забавлялъ этотъ разговоръ. Они собрали денегъ, чтобы дать возможность Гансу привести домой старухѣ на домашніе расходы.

Затѣмъ Пангереръ съ глазами, полными слезъ, пожалъ еще разъ руку аудитора и вышелъ изъ залы суда.

— Такъ это вслѣдствіе неудачной поѣздки вы такъ плохо выглядите? сказалъ предсѣдатель аудитору, улыбаясь. Въ такомъ случаѣ пойдемте въ ресторанъ, чтобы скорѣе восстановить ваши силы.

— Вы называете мою поѣздку неудачной? спросилъ аудиторъ. Это была счастливѣйшая прогулка, какую я когда либо въ моей жизни дѣлалъ. Цѣною маленькаго приключения въ Пангерфильцѣ я получилъ возможность помочь честному хорошему малому.

Пангереръ, по просьбѣ аудитора, вскорѣ получилъ мѣсто на желѣзной дорогѣ, гдѣ онъ получалъ столько, что ужъ безъ труда могъ заботиться о содержаніи своей бабушки.

Къ рисункамъ.

Средневѣковая девушка-горожанка.

(Рис. на стр. 28 и 29).

Это уже не въ первый разъ, что мы помѣщаемъ рисунки талантливой ученицы профессора Зичи г-жи Маріи Этлингеръ. Читатели наши конечно помнятъ превосходный портретъ первомъ ея знаменитаго учителя, помѣщенный въ № 1880 г. въ сопровождении подробной биографіи Зичи. Г-жа Этлингеръ наша соотечественница—уроженка Петербурга и, какъ известно, подписываетъ свои произведения своимъ лишь именемъ „Marie.“ Она была ученицею Спб. Академіи Художествъ и удостоена серебряной медали. Мы имѣли случай видѣть многія произведенія молодой артистки, указывающія на ея выходящій изъ ряда талантъ, развитію которого конечно много силы придало вліяніе, уроки и совѣты такого мастера, какъ Зичи.

Настоящій рисунокъ „Средневѣковая девушка-горожанка“ исполненъ первомъ съ тѣмъ же мастерствомъ и поражающей тщательностью отѣлки, какія останавливаютъ вниманіе въ ея другихъ подобныхъ работахъ. Красивый, характерный костюмъ молодой гражданки французского города въ средніе вѣка, выраженіе лица девушки, всѣ мельчайшия детали—на всемъ одинаково лежитъ отпечатокъ твердой и увѣренной руки талантливой артистки. Не можемъ не обратить также вниманія на замѣчательную работу гравера надъ этимъ произведеніемъ. Около трехъ мѣсяцевъ трудился онъ, чтобы передать всѣ тонкости рисунка, и посредствомъ луны можно размотрѣть, какая это трудная работа.

Вечеръ.

(Рис. на стр. 33).

Аллегорическое произведеніе Макарта „Вечеръ“ составляетъ дополненіе къ циклу плафонныхъ медальоновъ, изъ которыхъ два, „Утро“ и „Поденье“, были помѣщены въ № 48 „Нивы“ 1882 г. И въ этой картинѣ видѣнъ тотъ же геніальный и своеобразный художникъ. „Вечеръ“ олицетворяетъ здѣсь идеальная фигура женщины, готовящейся раскинуть покровъ сумерекъ надъ уставшими отъ жизни дня міромъ. Поднимаются головки мака и тянутся къ лунному лучу—то царство сна вступаетъ въ свои права. Вечерняя звѣзда засѣяла на небѣ,—и тихо на землѣ, готовой къ принятію безмолвной, таинственной ночи...

Послы нижегородскіе у Пожарскаго.

(Рис. на стр. 36).

Картина молодаго художника г. Савинскаго, получившая 1-ю

золотую медаль, писана на тему, заданную Академіей. Тема, достойная работы художника—она относится ко времени величайшаго подъема народнаго духа. Здѣсь крайняя степень несчастій и общее горе какъ бы послужили къ сплоченію и единенію всего, что было дотолѣ какъ бы разрознено и дѣйствовало отдельно. Въ іюль 1611 года разослана была по всѣмъ городамъ русскимъ: въ Казань, Новгородъ, Вологду, Пермь и во всѣ города Понизья, знаменитая грамота архимандрита Діонисія и келара Палицына. Въ октябрѣ грамота была получена въ Нижнемъ-Новгородѣ и здѣсь возбудила особенно глубокое одушевленіе. Тутъ выступилъ человѣкъ, незабвенный въ истории нашей,—земской старosta Козьма Захарьичъ Мининъ-Сухорукъ и тотчасъ же сталъ указывать, чтобы выбрали скорѣе „кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ.“ Тутъ общимъ совѣтомъ рѣшено было обратиться къ князю Дмитрю Михайловичу Пожарскому и просить его быть руководителемъ великаго дѣла.

Князь былъ человѣкъ боевой, достойный и заслуженный. Еще будучи всего двадцати лѣтъ онъ уже занимаетъ должность „стяпчаго“ при дворѣ Годунова, къ которому былъ близокъ. Въ первый разъ со славою является онъ на полѣ браніи въ 1608 г. при царѣ Василіѣ Шуйскомъ, который послалъ князя противъ поляковъ, подступившихъ къ Коломнѣ. Князь напалъ на нихъ рано утромъ, разбилъ на голову, побралъ въ плѣнъ, захватилъ обозъ. Въ 1609 г. былъ князь посланъ царемъ противъ атамана разбойничьей орды Салькова. И здѣсь Пожарскій разбилъ Салькова на голову, перебилъ почти всю шайку, а плѣнныхъ, и въ томъ числѣ атамана, привелъ къ царю.

На слѣдующій годъ Пожарскій является воеводою въ Зарайскѣ. Въ іюль того года жители собрались къ хоромамъ своего воеводы и, подстрекаемые измѣнниками, требовали, чтобы князь съ ними присягнулъ Тушина Самозванцу, грозя его убить въ противномъ случаѣ. Тогда онъ вышелъ съ протоіереемъ Дмитремъ, близкимъ себѣ человѣкомъ, и заявилъ, что готовъ умереть, но измѣнникомъ присягѣ не будетъ. Затѣмъ онъ заперся въ крѣпости съ небольшимъ гарнизономъ. Случилось, что жители именно въ крѣпости сложили въ это смутное время все свое имущество и, не имѣя ни запасовъ, ни денегъ, скоро привнуждены были явиться съ повинною къ воеводѣ. Князь взялъ съ нихъ присягу въ вѣрности царю Василію и самъ цѣловалъ крестъ. Твердость воеводы имѣла спасительное дѣйствіе: другие города также отложились отъ Самозванца, узнавъ обѣ этомъ. Царь Василій наградилъ князя селомъ Ландехомъ со многими деревнями въ Сузdalскомъ уѣзде. 19 марта Пожарскій

онять является доблестно. Гончевский послал отряды конныхъ копѣйщиковъ, которые грабили и рѣзали по улицамъ Москвы, но на Срѣтенкѣ встрѣтилъ ихъ отрядъ Пожарскаго, который и погналъ поляковъ вплоть до Китай-города. На другой день, опять встрѣтивъ отряды грабителей, князь цѣлый день бился съ ними, въ первыхъ рядахъ отряда, былъ тяжело раненъ и его отвезли въ Троице-Сергіевъ монастырь, а оттуда въ его отчину, Ландахъ, въ 120 верст. отъ Нижняго-Новгорода, где сталъ онъ лечиться отъ боевыхъ ранъ.

Изъ этого видно, что выборъ народный паль на вполнѣ достойнаго и твердаго человѣка, могшаго стать во главѣ дѣла.

Граждане и власти духовныя несолько разъ обращались съ просьбами къ князю и просили его начальствовать надъ ополченіемъ. Еще не оправившійся вполнѣ отъ болѣзни, князь отказывался. Этому остались свидѣтельства. Въ Собр. Госуд. Грам. и договорѣ есть грамота, где князь самъ говорить, что къ нему присыпали *милажды*. Онъ понятно очень сомнѣвался и колебался, при такой шатости общей и неустойствѣ, принять на себя столь великое дѣло.

Картина изображаетъ послѣднее посольство, въ которомъ участвовалъ Печерскій архимандритъ Феодосій и изъ всѣхъ чиновъ выборные люди, со слезами умолявшіе его принять командованіе надъ ополченіемъ. Князь, еще не совсѣмъ здоровый, принялъ ихъ сидя, окруженный своими дѣтьми, и наконецъ, согласился, но въ разговорѣ съ послами все жеставилъ условія, изъ коихъ видны обуревавшія его сомнѣнія. „Только-бы такой столпъ-князь Василій Васильчикъ (Голицынъ) былъ здѣсь и и обѣ бы всѣ держались. А я къ такому великому дѣлу лично его не принялъ; а то нынѣ меня къ такому дѣлу бояре и вся земля сильно приневолили.“

Вѣсть о Нижегородскомъ ополченіи разнеслась по всѣмъ городамъ. Отовсюду стали являться въ Нижний люди служилые. Въ Нижнемъ, выѣхавъ еще съ перевязанными ранами на конѣ къ войску, князь былъ встрѣченъ съ неописаннымъ восторгомъ. Это ополченіе было началомъ послѣдующихъ великихъ событий, окончившихся всенароднымъ избраніемъ на царство юнаго Михаила Феодоровича Романова.

Летаргический сонъ Князя Димитрія Юрьевича.

(Рис. на стр. 37).

Въ нашихъ лѣтописяхъ, повѣстуюющихъ обѣ удѣльномъ періодѣ, среди междуусобій и кровавой распри князей, можно встрѣтить часто эпизоды и иного характера. Такимъ именемъ эпизодомъ можно по справедливости назвать разсказъ нашей лѣтописи о кончинѣ юнаго князя Димитрія Юрьевича, сына Юрія, дяди Великаго Князя Василія Темнаго. Замѣшанный волей неволей въ семейную расприю Юрьевичей съ Василіемъ, расприю, ознаменовавшуюся жестокостями какъ съ той, такъ и съ другой стороны, князь Димитрій держался по возможности законной власти; по своему кроткому характеру не возбуждалъ подозрѣній Великаго Князя и даже ходилъ противъ мятежныхъ своихъ братьевъ въ рядахъ его войскъ. Съ качествами душевными онъ соединялъ и замѣчательную красоту лица, почему и названъ былъ современниками „Краснымъ, то есть красивымъ“. Но къ сожалѣнію, ему не суждено было дожить до зрѣлаго возраста и тяжкая, загадочная болѣзнь быстро приблизила молодаго князя къ могилѣ. Лѣтопись сохранила намъ необычайныя и въ высшей степени странныя обстоятельства его кончины. По ея словамъ, юный князь вдругъ лишился слуха, вкуса и сна; хотѣлъ причаститься Святыхъ Таинъ и долго не могъ приступить къ этому, такъ какъ кровь лила у него изъ носа не переставая. Ему заткнули ноздри, чтобы дать причастіе, послѣ котораго онъ успокоился, потребовалъ пищи, вина, потомъ заснулъ и сонъ его былъ вполнѣшимъ подобіемъ смерти. Бояре оплакали Князя, закрыли его покровомъ, и улеглись спать въ той-же горницѣ. Вдругъ неожиданно мнимый мертвѣцъ поднялся съ своего ложа, сбросилъ покровъ и сказалъ громкимъ голосомъ „Петръ же позна-

яко Господь есть“. Затѣмъ онъ началъ пѣть съ этомъ снять, существовавшіе, какъ говорить лѣтописецъ, оципенѣли отъ ужаса, быстро разнесся слухъ о чудѣ, и дворецъ наполнился любопытными. Цѣлые три дня воскресшій князь пѣлъ духовныя пѣсни и говорилъ о душеспасительныхъ предметахъ; узнавалъ людей, но не слышалъ обращающей къ нему рѣчи и наконецъ действительно умеръ. Народъ тогда-же его нарекъ святымъ и это убѣжденіе еще болѣе укрѣпилось, когда при его погребеніи черезъ 23 дня по смерти, въ московскомъ соборѣ Архангела Михаила, тѣло егоказалось живымъ и не имѣло на себѣ никакихъ признаковъ тленія.

Талантливая картина Селезнева, удостоенная недавно, по справедливости, большой золотой медали, изображаетъ тотъ моментъ, когда возставшій князь, стараясь приподняться, хватается слабыми, исхудалыми руками за края гроба, повергая своимъ движениемъ въ ужасъ всѣхъ присутствующихъ. Такъ бояринъ, стоявшій въ ногахъ покойнаго, откинулся назадъ безсознательно раскинувъ руки, другіе-же, бывши въ головахъ, бросаются опровергнуть изъ комнаты, толкая другъ друга въ общей суматохѣ. Одинъ лишь престарѣлый инонъ, читавшій передъ тѣмъ псалтирь, не поддался страху; онъ съ выраженіемъ глубокой вѣры, творить на колѣнѣахъ молитву, благодаря Творца за содѣянное чудо.

Вся обстановка, всѣ аксессуары картины написаны очень живо и правдиво; маленькая, низенькая комната, увѣшанная образами, освѣщенными чуть мерцающими лампадами, въ которой носится еще прозрачный дымъ ладона, производить на зрителя таинственное впечатлѣніе, а фигура воскресшаго князя исполнена экспрессивы. Вообще эта картина молодаго художника, по своимъ выдающимъ достоинствамъ, занимаетъ видное мѣсто среди послѣднихъ конкурсныхъ работъ нашей академической молодежи.

О. А. Новикова.

(Портр. на стр. 40).

Здѣсь мы желаемъ познакомить нашихъ читателей съ портретомъ и краткой биографіей писательницы, игравшей не маловажную роль въ политическомъ мірѣ за послѣдніе годы. Г-жа Новикова (известная въ политической литературѣ Россіи, Англіи, Германіи и Франціи подъ буквами *O. K.*) большую часть года проводить обыкновенно въ Англіи. Хотя *O. K.* пользуется и у насъ значительнымъ вліяніемъ и заслуженнымъ почетомъ въ высшихъ литературныхъ и политическихъ кругахъ, но заграницей и особенно въ Англіи, она, какъ русскій публицистъ, гораздо извѣстнѣе и популярнѣе, чѣмъ въ своемъ отечествѣ. Ея извѣстность въ Англіи довольно значительна. Ея книга „Russia and England“ (Россія и Англія), изданная въ 1882 г., на англійскомъ языкѣ, въ Лондонѣ, имѣла въ Англіи громадный успѣхъ. Издание слѣдовали одно за другимъ. Журналы и газеты наполнены были статьями о ней. Французскій журналъ „Revue des deux Mondes“ въ то же время напечаталъ статью Эмиля де-Лавеле объ этомъ блестящемъ политическомъ трудѣ русской женщины.

Въ этой книѣ г-жа Новикова прямо и открыто нападаетъ на восточную политику лорда Биконс菲尔да, столь враждебную Россіи. Она не всегда щадить, впрочемъ, и личнаго друга своего, г. Гладстона. Гладстонъ самъ отвѣчалъ на эти прямодушные нападки русской патріотки и тѣмъ еще болѣе увеличилъ извѣстность. *O. K.* заступница англо-руssского союза по восточнымъ дѣламъ и, по словамъ англійскихъ органовъ печати, имѣла много вліянія на дружественный къ Россіи поворотъ Великобританской политики послѣ паденія торійскаго министерства Биконс菲尔да.

O. A. Новикова принадлежитъ по рожденію и браку своему къ высшему кругу русскаго общества. Она урожденная Кирѣева, родная сестра Н. А. Кирѣеву, убитому на войнѣ за сербскую независимость. Мать ея (до сихъ поръ живущая) родомъ Алябьевъ, славилась въ свою время красотою; она—такая самая, въ которой Пушкинъ находилъ столько „блеска“.

„...И блескъ Алябьевой, и прелѣсть Гончаровой“...

Замужемъ Ольга Алексѣевна за Иваномъ Петровичемъ По-

О. А. Новикова. Съ фотogr. Лаптева грав. Ю. Бараповскій.

Фультонъ представляет Наполеону I свой пароходъ въ 1803 г.
Ориг. рис. Мерте, грав. Бреид'амуръ.

Въ настоящее время, когда желѣзные дороги, пароходы и телеграфъ сократили разстоянія и облегчили сообщенія, едва ли можно составить себѣ понятіе о тѣхъ затрудненіяхъ, которыми 100 лѣтъ тому назадъ сопровождалась посылка наблюдательныхъ экспедицій въ Лапландію, Калифорнію или Остапіи. Однако, затрудненія были преодолены и наблюденія въ главнѣйшихъ пунктахъ удались довольно хорошо, но и на этотъ разъ тѣ-же измѣненія вида планеты, во многомъ, воспрепятствовали достовѣрности и точности изслѣдованій. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что разстояніе между солнцемъ и землею, въ астрономической практикѣ, измѣряется при посредствѣ угла: подъ нимъ поднимается уголъ, подъ которымъ въ центральномъ пункте солнца глазу была бы видна половина поперечника земного шара; разъ этотъ уголъ извѣстенъ, то уже, затѣмъ, разстояніе легко исчисляется въ миляхъ. Въ наблюденіяхъ надъ прохожденіемъ Венеры, произведенныхъ въ 1761 и 1769 гг., разстояніе это было опредѣлено въ 20,682,000 географическихъ мили; но, однако, некоторые данные привели, въ 1850 г., къ довольно вѣроятному предположенію о томъ, что отдаленность солнца нѣсколько менѣе значительна, что и подтверждилось опытами надъ скоростью движенія свѣта. Въ такихъ обстоятельствахъ, ученыe съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали прохожденія Венеры, предполагавшееся на 8 декабря 1874 г., надѣясь, при помощи своихъ наблюденій, определить разстояніе солнца безошибочно, до тысячной доли мили; надежда ихъ основывалась не только на томъ усовершенствованіи, котораго инструменты достигли съ 1769 г., но и на томъ новомъ вспомогательномъ средствѣ фотографіи, дающей возможность „фиксировать“ самое явленіе. Ничего удивительного нѣть, конечно, въ томъ, что въ половинѣ XIX-го столѣтія цивилизованные государства выставили всѣ потребныя средства въ помощь научному изслѣдованію, имѣвшему цѣлью разрешеніе одной изъ важнѣйшихъ проблемъ, и вѣроятно многіе еще помнятъ о тѣхъ многочисленныхъ экспедиціяхъ, которыхъ были отправлены во всѣ удобные для наблюденій пункты.

Большія надежды возлагались на фотографическіе аппараты, и ихъ болѣе двадцати было наведено на солнце, въ обоихъ полушаріяхъ, ко времени прохожденія планеты. Снимки солнца и Венеры получились, однако, при этомъ, довольно незначительныхъ размѣровъ; такъ большой фотогеліографъ въ Кью далъ снимки, на которыхъ солнце въ поперечнике имѣетъ менѣе 4 вершковъ, а изображеніе Венеры достигаетъ едва $1\frac{1}{2}$ линіи. Такимъ образомъ, наибольшее отдаленіе, съ котораго можетъ быть исчислено разстояніе, составить, при помощи фотографіи, не болѣе $1\frac{1}{4}$ линіи. Хотя, какъ видимъ, приходится имѣть дѣло съ столь незначительными величинами, но микроскопъ и микрометръ позволяли разсчитывать на возможность измѣреній значительной точности. Но ожиданія не увиличались успѣхомъ. Хотя и получилось множество фотографическихъ снимковъ, особенно англичанами, и на Гриничской обсерваторіи были произведены микроскопическая измѣренія, однако, въ концѣ концовъ, эти фотографіи оказались пепригодными для измѣреній вполнѣ точныхъ. Неудачу эту, впрочемъ, предсказалъ одинъ опытный учёный. Надо замѣтить, что причина непригодности этихъ фотографій заключается не въ слишкомъ малыхъ размѣрахъ снимковъ, а въ недостаточномъ совершенствѣ, въ недостаточной тонкости микроскопа; въ особенности неяснымъ, расплывчатымъ оказалось именно солнечный дискъ, такъ что не было никакой возможности съ точностью определить его границы. Наряду съ фотографическими снимками, произведено и большое число телескопическихъ наблюдений. Думали, что доведенные до высокой степени совершенства инструменты нашего времени позволятъ разсмотреть фигуру Венеры безъ всякихъ измѣненій, или—только съ самыми незначительными, но это не оправдалось—и нынѣшніе наблюдатели увидѣли тѣ же измѣненія, которые такъ изумили наблюдателей прошлого столѣтія. Хотя великія ожиданія, основывавшіяся на преимуществахъ нынѣшнихъ аппаратовъ и методовъ наблюденія, не оправдались, но во всякомъ случаѣ, въ 1874 г. добты весьма важныя данные для точного определенія разстоянія солнца отъ земли, которое исчисляется теперь въ 20,036,000 географическихъ миль. Въ прохожденіи Венеры 6-го декабря н. с. (25-го ноября с. ст.) нынѣшняго года предположено было не ограничиться определеніемъ продолжительности времени, въ теченіе котораго планета проходитъ по диску, но и это составляетъ главнѣйший и труднѣйший пунктъ задачи нѣмецкихъ экспеди-

цій—произвести, насколько возможно, тончайшее и достовѣрнѣйшее (геліометрическое) измѣреніе разстоянія, на которомъ, въ извѣстные моменты прохожденія, Венера находится отъ краевъ солнца. Лица, избранныя для наблюденій, желая болѣе или менѣе основательно подготовиться, практиковались на искусственно воспроизведенномъ, при посредствѣ особаго аппарата, прохожденіи Венеры. Такіе опыты сдѣланы были и на различныхъ американскихъ обсерваторіяхъ, гдѣ ожидали ясно видѣть явленіе; но замѣтительно, что модель не въ состояніи повторить тѣ уклоненія въ формѣ планеты, которая усмотрѣна въ 1874 г. Къ тому же, нельзя предвидѣть степень отклоненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Берлинскій профессоръ Ауверсъ выработалъ инструкцію для наблюденій надъ со-приосновеніемъ Венеры съ солнцемъ, которой обязаны были слѣдовать нѣмецкія экспедиціи; но самъ онъ, однако, замѣчаетъ, что атмосфера планеты составляетъ непреодолимое затрудненіе къ вполнѣ достовѣрнымъ наблюденіямъ и вся утонченность инструкціи становится, во многихъ случаяхъ, не болѣе, какъ иллюзію. На этотъ разъ фотографіи отведено самое скромное мѣсто и даже предполагалось вовсе не пользоваться услугами.

Прохожденіе Венеры было видно съ различныхъ точекъ въ различныхъ своихъ фазисахъ. Явленіе можно было наблюдать въ Европѣ, Африкѣ и Америкѣ, но во всей полнотѣ его можно было разсмотрѣть только въ Южной Америкѣ и въ восточной части Сѣверной Америки; въ Западной Европѣ видѣлось лишь начало и часть прохожденія, но не конецъ его. При появлѣніи Венеры въ диске, солнце стояло на зенитной точкѣ, къ юго-западу отъ острова С.-Тринидада, въ южной половинѣ Атлантическаго океана, по близости отъ береговъ Бразилии; при исчезновеніи же планеты, оно находилось перпендикулярно надъ восточной частью о-ва Туамоту, въ Южномъ океанѣ. Ту часть земной поверхности, съ которой прохожденіе Венеры наблюдалось, можно обозначить на картѣ линіей, ведя ее отъ Гудсонова пролива, съ одной стороны, чрезъ Калифорнійскій заливъ и острова Туамоту, къ земль Викторіи въ южномъ полюсѣ, а съ другой—чрезъ Ньюфаундлендъ, въ юго-восточномъ направлениі, по длине Атлантическаго океана, и къ южному полярному кругу. Линія, идущая отъ Гудсонова пролива чрезъ южную Грэнландію, южную Норвегію, Черное море и Аравію, къ южному полюсу, обозначаетъ, въ восточномъ направлениі, тѣ части земного шара, съ которыхъ видно было только начало прохожденія; сюда входятъ: вся Африка, западная и большая часть Средней Европы. Чѣмъ пунктъ ближе находился къ проведенной такимъ образомъ линіи, тѣмъ менѣе съ него можно было видѣть, что же касается всего находившагося къ востоку отъ этой линіи, въ Азіи и Индійскомъ океанѣ, то тамъ совсѣмъ ничего не было видно, такъ какъ въ то время была ночь. Германія выслала отъ себя четыре экспедиціи для производства наблюденій надъ прохожденіемъ Венеры: одну въ Гартфордѣ (Коннектикутѣ), вторую въ Аику (Южная Каролина), третью въ Багіа Бланка (Аргентинская республика) и четвертую въ Пунта-Арена (Магеллановъ проливъ) и кроме того въ Южной Георгіи наблюденіями занималась также и метеорологическая экспедиція. Каждая изъ вышеизложенныхъ экспедицій имѣла при себѣ по два телескопа въ шесть футъ длины, снабженныхъ геліоскопами для ослабленія вліянія солнечнаго свѣта, а также по экземпляру Фрауенгоферовскаго геліометра, при помощи котораго производилось определеніе разстоянія центральной точки Венеры отъ солнечнаго центра. Эти измѣренія составляютъ, какъ выше сказано, самую трудную сторону задачи нѣмецкихъ экспедицій, и есть основаніе надѣяться (результаты работъ еще не опубликованы), что онѣ достигли, въ этомъ отношеніи, той степени достовѣрности и точности, которой тщетно добивались всѣ произведенные до сихъ поръ наблюденія. Понятно, и другія государства также снѣдили свои экспедиціи: англичане устроили болѣе двѣнадцати наблюдательныхъ пунктовъ. Согласно исчислѣніямъ, въ Средней Европѣ можно видѣть прохожденіе между 8 и 9 часами вечера; появленіе планеты у края солнечнаго диска ожидалось: въ Гриничѣ въ 2 часа 0 минутъ дня, въ Парижѣ въ 2 часа 9 минутъ, въ Брюсселѣ въ 2 часа 17 минутъ, въ Кельнѣ въ 2 часа 27 минутъ, въ Лейпцигѣ въ 2 часа 43 минуты, въ Берлинѣ въ 2 часа 53 минуты. Точка, въ которой планета входитъ въ дискъ, находится въ 147° къ востоку отъ самой сѣверной точки края солнца.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Франція.—Гамбетта.—Антианглійская лига.—Императоръ Евгенія.—Перемѣны въ кабинетѣ Гладстона.—Болгарія.—Сербія.—Черногорія.—Італія.—Австрія.—Германія.

Въ прошлый разъ уже говорено о смерти Гамбетты; въ этомъ № читатели найдутъ его портретъ, біографію и въ „Смѣси“ подробнѣости о его похоронахъ. Событие это, несомнѣнно, отразится и на вѣнѣнії, и на внутренней политикѣ Франціи. Что кажется вѣнѣнії,—то паденіе этого крупнаго дѣятеля, какъ главы кабинета, дало себя знать еще и прежде—столь явнымъ уменьшениемъ значенія Франціи въ европейскихъ дѣлахъ; въ отношеніи же положенія внутреннихъ дѣлъ Франціи, можно ожидать, что крайнія

партии, сдерживавшія его твердой рукой и искусствомъ, теперь поднимутъ голову; отсюда недалеко до коммуны, которая, наконецъ, заставитъ сплотиться благородныхъ людей: монархическая партия значительно усилилась и, быть можетъ, французскій народъ пожелаетъ отдохнуть отъ всѣхъ республиканскихъ и революціонныхъ невзгодъ подъ сѣнью твердой и прочной установленной монархической власти, которая съумѣетъ дать ему порядокъ внутри и славу извѣнѣ. Гамбеттѣ были устроены необычайно пышныя похороны,—онѣ, конечно, служили выражениемъ патріотического чувства, которое онъ съумѣлъ возбудить

въ тяжелую для Франции эпоху 1870—1871 гг. Гамбетта только официально похоронен въ Париже, а затѣмъ, согласно желанию его отца, онъ отвезен въ Ниццу, для погребенія въ фамильномъ склепѣ. Почти въ одно время съ нимъ скончался даровитый французский генералъ, Шанзи. Патріотическое чувство французовъ, однако, не угасло съ Гамбеттой; теперь оно направлено на борьбу съ Англіей. Французы образовали анти-англійскую лигу, имѣющую цѣлью защиту французскихъ интересовъ, которымъ угрожаетъ Англія. Лига добивается создания субсидируемаго торгового флота съ судами большой скорости, построенными по образцамъ, принятымъ морскимъ министерствомъ во Франціи иющими служить крейсерами въ случаѣ морской войны; эти суда обязаны конкурировать съ англійскими во всѣхъ пунктахъ земного шара и замѣнить, съ выгодой, французскія заатлантическія суда: затѣмъ лига добивается установленія торговыхъ пошлинъ, какія платятъ судохозяева въ англійскихъ портахъ (эти пошлины доставили бы около 75 миллионовъ, которые могли бы пойти на улучшенія французскихъ портовъ и субсидіи торговому флоту); далѣе лига заботится о пересмотрѣ морской конвенціи, заключенной въ силу Парижского трактата 1856 г., о поддержаніи въ Египтѣ *status quo ante bellum*, какъ требовали этого англичане отъ Франціи, при одинаковыхъ условіяхъ, въ Марокко въ 1844 г., послѣ битвы при Исли; наконецъ, лига требуетъ, чтобы Франція энергически отстаивала свои интересы въ Тонкинѣ, Мадагаскарѣ, Конго и повсюду, где они только имѣются. Лига остается вѣнчаніемъ: доступъ въ нее открытъ всѣмъ. Экспедиція въ Тонкинѣ уже снаряжается и протекторатъ Франціи надъ Анамомъ будетъ возстановленъ.

Императрица Евгения, такъ сказать, пристыдила Французскую республику: городъ Марсель пожелалъ оттягивать у ея величества подаренный ей еще императоромъ замокъ, расположенный недалеку оттуда, для чего и обратился въ судъ, но—судъ отказалъ, признавъ императрицу собственницей замка; теперь она, послѣ такого постановленія суда,—подарила замокъ благородному городу, желавшему воспользоваться случаемъ оттянуть что нибудь у той, которую въ былое время привѣтствовалъ въ вѣрноподданническихъ выраженіяхъ.

Въ кабинетѣ Гладстона произошли слѣдующія перемѣны: лордъ Кемберлей, бывшій индійскій министръ, сдѣланъ министромъ колоній, а индійскій министръ лордъ Гартингтонъ—военнымъ; бывшій военный министръ, Чайлдерсъ—министромъ финансовъ; лордъ Дерби—министромъ колоній, а не иностраннѣхъ дѣлъ.

Въ Софіи и Бѣлградѣ открыты сессіи палатъ депутатовъ. Князь Болгарскій, въ своей рѣчи, прочтенной за его нездровьемъ, генераломъ Соболевымъ, между прочимъ, указалъ на успѣхи въ организаціи арміи, а также высказалъ удовольствіе по поводу неизмѣнной благосклонности Россіи къ Болгаріи и сочувственного отношенія къ ней и другихъ державъ.—Въ Сербіи тоже очень заняты вопросомъ объ организаціи арміи: король Миланъ, неожиданно, явился самъ въ засѣданіе комисіи скупщины, которой поручена разработка проекта, и высказалъ

надежду, что сообщенные въ комисію законопроекты будутъ приняты ею; комисія выполнила желаніе государя. Законопроектомъ устанавливается всеобщая воинская повинность съ двухлѣтнимъ временемъ службы и введеніемъ трехъ созывовъ; для слушателей высшихъ военныхъ училищъ опредѣляется пять мѣсяцевъ службы; армія раздѣляется по территоріальной системѣ и потому увеличивается пятью батальонами пѣхоты и пятью эскадронами кавалеріи. Составъ кабинета увеличивается новымъ министерствомъ, а именно министерствомъ сельского хозяйства.—Переговоры между Черногоріей и Турцией обѣ опредѣленіи пограничной черты, повидимому, вскорѣ будутъ приведены къ благопріятному результату,—предположенія эти основаны на извѣстіяхъ, полученныхъ отъ турецкаго уполномоченнаго, Бедри-беза.

Оберданкъ, членъ партіи „Italia irridente“, а также и соціалисты (въ свое время мы сообщали читателямъ обѣ эпизодѣ, въ которомъ онъ игралъ выдающуюся роль), осужденный за покушеніе противъ австрійскаго императора, недавно казненъ; это обстоятельство подало въ Италии поводъ къ беспорядкамъ въ нѣкоторыхъ городахъ; такъ, въ Римѣ, въ австрійскаго посланника бросили камнемъ, затѣмъ толпа ирридентистовъ вознамѣрилась поставить бюстъ Оберданка на одной изъ римскихъ площадей, въ чемъ, конечно, полиція помѣщала, схвативъ пѣкоторыхъ изъ зачинщиковъ демонстраціи; въ Туринѣ и кое гдѣ еще, тоже было произведено нѣсколько манифестаций, даже и въ Марсели приклеена была къ дому, занимаемому австрійскимъ консуломъ, прокламація, угрожавшая австрійскому императору—врагу Италии и убийцѣ Оберданка (какъ сказано въ ней), смертью. Но Европѣ прошелъ слухъ о томъ, будто бы, что въ Австріи, въ новѣйшее время проявились теченія, идущія противъ союза этой имперіи съ Германіей и сочувствующія сближенію съ Россіею. Офиціозные органы первыхъ двухъ государствъ поспѣшили отвѣтить. Австрійскія газеты, отрицаютъ существованіе этихъ теченій и разлада между ними и вѣнѣніемъ политику Габсбургской монархіи, говорятъ, въ общихъ чертахъ, что всѣ національности Австріи, въ томъ числѣ и поляки, признаютъ австро-германскій союзъ важнѣйшимъ фактомъ политики и что новѣйшая сессія делегацій доказала, что убѣждение въ незыблности означенаго союза пустило глубокие корни во всѣхъ слояхъ населенія, о чёмъ графъ Кальники заявилъ въ delegacіяхъ.

Съ своей стороны, германскій офиціозный органъ заявляетъ, что германскія офиціальные сферы питаютъ полное довѣріе къ нынѣшней и будущей политикѣ Австріи: „взаимная отношенія обѣихъ имперій, основанная на прочномъ обоюдномъ довѣріи, возникшія во времена управлінія графа Андраши и одинаково поддерживавшіяся имъ до вступленія въ должность, во времена исправленія должности и послѣ того, находятся вѣнѣніемъ публицистического обсужденія и догадокъ; отношенія Германіи къ Австро-Венгрии и Россіи установлены историческими и политическими условиями этихъ трехъ великихъ имперій и намѣреніями Австро-Венгерской монархіи; притомъ, они настолько прочны, что толками печати поколеблены быть не могутъ“.

СМѢСЬ.

Похороны Гамбетты Похороны Гамбетты представляли любопытное зрѣлище. Погода все время была хорошая. Стеченіе народа весьма значительное. Площади и улицы, по которымъ должна была слѣдовать похоронная процессія, наполнились несмѣтными толпами народа.

При пушечной пальбѣ, гробъ былъ поднятъ и поставленъ на высокій убранный катафалкъ колесницы, запряженной шестеркою лошадей. На гробъ было положено нѣсколько, окутанныхъ флеромъ, трехцвѣтныхъ знаменъ и пальмовые листы, на катафалкъ и платформу—вѣнки и букеты живыхъ цвѣтовъ. Сверхъ того, три большія колесницы, наполненные цвѣтами и букетами, вѣхали впереди колесницы, по обѣ стороны которой слѣдовали, держа въ рукахъ кисти балдахина, министры внутреннихъ дѣлъ и военный, президентъ палаты депутатовъ, вице-президентъ сената и депутатъ отъ выборщиковъ бельвильского избирательного округа, делегатъ сословія парижскихъ адвокатовъ, мэръ города Кагора, мѣсторожденія Гамбетты, докторъ Фіансаль, затѣмъ представитель семейства покойнаго и президентъ группы республиканскаго союза.

Въ тотъ моментъ, когда гробъ былъ поднятъ и поставленъ на катафалкъ, раздались пушечные выстрелы, музыка заиграла похоронный маршъ. За колесницею шли родственники. За ними слѣдовали представитель президента республики, генералъ Питье, личные адъютанты президента, министры, члены дипломатическаго корпуса, генералы, командующіе армейскими корпусами, депутаты и сенаторы, депутатія Почетнаго Легіона, кассационный судъ, члены различныхъ академій и ученыхъ Обществъ, парижскій муниципальный совѣтъ, представители адвокатуры и печати, генеральный штабъ. Во главѣ и въ замкѣ, при звукахъ музыки, игравшей похоронные марши, шли войска парижскаго и версалскаго гарнизоновъ. Колесница прибыла уже на кладбище Цэр-Лашезъ, когда хвостъ кортежа находился еще передъ Бурбонскимъ дворцомъ. Похоронная процессія, въ которой участвовало до 200,000 человѣкъ, растянулась на протяженіи восьми километровъ.

Гробъ покрытъ чернымъ бархатнымъ знаменемъ, на которомъ

лежали окутанное флеромъ трехцвѣтное знамя и два пальмовые листа, съ вѣнками изъ красныхъ иммортелей. Возвышеніе, на которомъ помѣщается гробъ, покрыто цвѣтами.

Іванъ Сергеевичъ Тургеневъ, отъ имени многихъ своихъ соотечественниковъ, возложилъ на гробъ Гамбетты вѣнокъ.

Голова траурной процессіи вступила на Севастопольскій бульваръ въ 12½ часовъ. На площади Инвалидовъ ожидало ее большое число депутатій, которые присоединились къ шествію.

Народъ провожалъ процессію восклицаніями: „Да здравствуетъ Франція!“ Эльзасско-лотарингская депутація была встрѣчена сочувственными привѣтствіями. Въ половинѣ втораго часа пополудни похоронная колесница достигла кладбища „Рѣг-Лашайс“.

Первую надгробную рѣчу на похоронахъ Гамбетты произнесъ президентъ палаты депутатовъ, Бриссонъ. Напомнивъ усилия Гамбетты для спасенія Франціи, въ 1870 году, отъ попирающего ее вѣнѣнія врага, онъ заявилъ, что Франція оплакиваетъ въ немъ сына, преданного славѣ своей родины. Парламентская трибуна облеклась также въ трауръ. Упомянувъ о стараніяхъ Гамбетты объединить республиканскія партіи, Бриссонъ присовокупилъ: „Пусть скорбь наша не будетъ безплодною! На этомъ гробѣ, окруженному друзьями и согражданами усопшаго, представителями всѣхъ партій, арміи, столицы и провинцій, дадимъ клятву стремиться къ крѣпкому единенію, бывшему завѣтнымъ желаніемъ Гамбетты! Да здравствуетъ Франція!“

У кладбищенскихъ воротъ министръ юстиціи, Девэ, отъ лица правительства, привѣтствовалъ смертные останки. Девэ продолжалъ: „Отечество оплакиваетъ въ Гамбеттѣ вѣрнаго сына, отставившаго свою родину въ годину бѣдствій. Даже въ то время, когда исчезла уже, повидимому, всякая надежда на счастливый исходъ борьбы съ побѣдоноснымъ врагомъ, Гамбетта не отчаялся въ будущихъ ея судьбахъ. Эта вѣра въ будущность Франціи и твердая рѣшимость не допускать свою родину снизойти до второстепенной роли характеризуетъ личность усопшаго“.

Шоффуръ, отъ лица эльзасско-лотарингскихъ Обществъ гор. Парижа, произнесъ рѣчъ, въ которой заявилъ: „Во время войны мы видѣли въ Гамбеттѣ душу отечества. Въ бордоискомъ национальномъ собраниі онъ былъ представителемъ нашей скорби, а по отторженіи нашеимъ отъ родины—представителемъ неувѣдающихъ нашихъ надеждъ. Эльзасцевъ и лотарингцевъ Гамбетта признавалъ всегда вдвойнѣ французами. Онъ внушилъ Эльзасу и Лотарингіи совершенно своеобразное чувство, въ которомъ удивленіе и признательность сливались съ довѣріемъ и надеждою. Онъ скончался, но послѣ него остались его дѣянія и завѣтныя мечты, осуществленіе которыхъ было для него цѣлью жизни. Сограждане! Усопшему подобаетъ не безплодная скорбь и отчаяніе! Память о немъ должна возбуждать въ насъ совсѣмъ иное, энергическое чувство скорби, приличествующее мужамъ, которые не только не даютъ себѣ сломить подъ гнетомъ печали, но подъ ударами рока еще болѣе крѣпнуть духомъ и съ судубымъ рвениемъ принимаются за подъятое ими на себя дѣло. Умеръ другъ Эльзаса и Лотарингіи, но за то жива Франція, наша отчизна, полная силы и готовности дать надлежащій отвѣтъ на призывъ къ доставленіямъ ея будущимъ судьбамъ! Да здравствуетъ Франція!“

Послѣ Бриссона и Дэве говорили вице-президентъ сената Пейра и военный министръ Бильо. Фалатефъ, въ надгробной рѣчи отъ имени адвокатскаго сословія, упомянувъ о личныхъ достоинствахъ и блестящемъ таланте Гамбетты, сказалъ: „Почести, оказываемыя теперь усопшему, не имѣли бы при существующей у насъ демократической формѣ правленія никакого смысла, или же являлись бы признаками упадка республиканского духа, если бы онѣ относились лишь къ Гамбеттѣ, какъ единичной личности. На самомъ дѣлѣ, онѣ имѣютъ болѣе широкое значеніе. Въ качествѣ воспоминанія о геройской борьбѣ противъ побѣдоноснаго вражескаго вторженія, почести эти являются выражениемъ национальной признательности ко всѣмъ послѣдовавшимъ призыва Гамбетты и легшимъ костямъ за отечество. Всѣ эти безвѣстные усопшіе, мнившіе себя забытыми, возстаютъ теперь изъ своихъ могилъ. Въ виду развѣвающихся знаментъ нашей арміи и передъ этими дорогими усопшими существуетъ намъ сплотиться воедино. Таково именно должно быть для насъ значеніе этого великаго дня!“

Правительство Грэви рѣшило принять на себя отвѣтственность лишь за рѣчи Бриссона, Пейра, Дэве и Бильо. Всѣ прочія рѣчи имѣютъ совершенно частный характеръ. Никакихъ беспорядковъ во время похоронъ Гамбетты не произошло. На похоронахъ присутствовали въ числѣ прочихъ: германскій посолъ, князь Гогенлоэ, турецкій посолъ, Эссадъ-бей, Леонъ Сэ, Фрейсинѣ и многие другие французы и иностранцы, выдающіеся своими талантами и общественнымъ положеніемъ.

Погребальное шествіе слѣдовало отъ бурбонскаго дворца до кладбища „Père Lachaise“ въ продолженіе почти трехъ часовъ. Смергнутые останки Гамбетты положены во временному склепѣ и въ воскресеніе перевезены въ Ниццу. На кладбище были допущены лишь родственники и близкіе друзья Гамбетты.

Исторія салфетокъ. Въ средніе вѣка, скатерть у рыцарей имѣла большое значеніе; если наступали какія либо несогласія, то скатерть разрѣзлась въ знакъ прекращенія дружбы. Салфетка также играетъ не меньшую роль въ исторіи прошлыхъ временъ. Во время Маріи Стюартъ и королевы Елизаветы еще не знали салфетокъ. За столомъ послѣдней, обычай были довольно грубы и „дѣственная королева“ обѣдала безъ вилки и ложки, одними пальцами. За нею стоялъ обыкновенно пажъ съ серебрянымъ умывальникомъ, гдѣ она мыла руки послѣ препровожденія говядины въ ротъ. Вскорѣ послѣ введенія въ употребленіе вилки и ножа, салфетка сдѣлалась неизбѣжной принадлежностью этикета. Такимъ образомъ случилось, что ничтожный кусочекъ холста былъ причиной долгой кровавой вражды. Людовикъ XIII садился обѣдать. По заведенному придворному церемоніалу салфетку королю подавало самое знатное лицо послѣ короля. Этимъ правомъ хотѣлъ воспользоваться принцъ Конде какъ высшій сановникъ, между тѣмъ графъ Суасонъ, Гофмаршалъ, сталъ оспаривать у него эту честь. Возникъ споръ и затянулся такъ долго, что король потерялъ терпѣніе и приказалъ позвать своего брата герцога Анжу, чтобы изъ его рукъ принять салфетку. На этотъ разъ споръ былъ прекращенъ, но послѣ обѣда непріязнь возобновилась съ новой силой, тѣмъ болѣе, что

образовались сторонники обоихъ соперниковъ и въ концѣ вся французская знать раздѣлилась на два лагеря. Внослѣдствіи королева мать, Марія Медичи, лишенная регентства, воспользовалась этимъ раздвоеніемъ для междоусобной войны, по счастію скоро прекратившейся. И въ позднѣйшія времена салфетка сохранила свое значеніе при церемоніалѣ королевскихъ обѣдовъ. Въ этомъ отношеніи была особенно взыскательна Императрица Евгenia. Способъ употреблять салфетку и манера ѓсть яйцо были для нея достаточны, чтобы испортить карьеру приглашенного. Такъ извѣстный критикъ Ст. Бэвъ, навлекъ на себя неудовольствіе и былъ вычеркнутъ изъ списка за то, что во время завтрака съ королемъ и королевой небрежно раскинулъ салфетку на колѣнѣахъ и разрѣзъ яйцо на двѣ половины. Придворный этикетъ требовалъ, чтобы полуразвернутая салфетка лежала на лѣвомъ колѣнѣ, и чтобы ею только слегка прикасались къ губамъ. Яйцо-же слѣдовало разбить ложкой съ толстаго конца и выбрать все содержимое кончикомъ ложки.

Стертая буква. Замѣтительна исторія древнаго города Аппа, лежащаго во французскомъ департаментѣ Па-де-Калѣ. Не вдаваясь въ подробности исторіи его, замѣтимъ, что въ 1493 г. онъ перешелъ во владѣніе короля Максимилиана, который превратилъ его въ сильную крѣпость. Аппа оставался подъ владычествомъ Австріи до 1640 г. и въ этомъ году былъ осажденъ Людовикомъ XIII. Короля чрезвычайно сердила слѣдующая надпись, сдѣланная австрійцами на воротахъ крѣпости: когда французы возьмутъ Аппа, тогда мыши будутъ ѓсть крысы, или по французски: Quand les Fran ois prendront Arras, les souris tangeront les rats“. Для завладѣнія городомъ 16 іюня 1640 года явились маршали Милерей и Шатильонъ съ 30,000 инфантеріи и 8,000 всадниковъ. Послѣ долгой осады, 8 августа французы были взорваны мины и пробиты широкія бреши въ стѣнахъ, послѣ чего крѣпость сдалась. 10 августа Людовикъ XIII вошелъ въ крѣпость и, увидя надпись, первоначально хотѣлъ ее уничтожить всю, но послѣ некотораго размышленія велѣлъ стереть только одну букву, именно *r*, въ словѣ *prendront*. Такимъ образомъ вышла слѣдующая фраза: Quand les Fran ois rendront Arras, les souris mangent les rats, что въ переводѣ обозначаетъ: когда французы отадутъ Аппа, мыши будутъ ѓсть крысы. Французы до сихъ порѣ владѣютъ Аппа.

Историческое домино. Въ день новаго 1791 года Людовикъ XVI, согласно принятому обычью, показался со своей семьей народу въ павільонѣ де l'Horloge, во время концерта парижской национальной Гвардіи, дававшагося обыкновенно въ этотъ день. Громадная толпа народа наполнила дворъ. Король приказалъ допустить депутатіи, желавшія поздравить его. Между депутатіями находилась одна подъ названіемъ „Побѣдители Бастилии“, которая съ вѣнками изъ иммортелей проходила мимо королевскаго семейства. Одинъ изъ участниковъ шествія остановился передъ шестилистнімъ въ то время дофиномъ и молча подаль ему коробочку, которую мальчикъ передалъ матери. Королева начала читать надпись: „Камни стѣнъ Бастилии послужили для того, чтобы сдѣлать для васъ, Монсеньеръ, игрушку, которая пусть напоминаетъ вамъ о любви народа“. Въ коробочкѣ дѣйствительно оказались камешки домино, изготовленные изъ гранита и мрамора, бывшаго матерьяломъ стѣнъ разрушенной два года тому назадъ Бастилии. Королева передала подарокъ одной изъ своихъ дамъ, съ приказаніемъ сохранить его, „такъ какъ онъ составитъ замѣтительное свидѣтельство въ исторіи Франціи.“ Это домино невредимо вынесло много бурь въ Тюльери. Оно было въ рукахъ высочайшихъ лицъ, которые принимались во дворцѣ во времена консульства, имперіи и реставраціи. Наполеонъ I часто употреблялъ его, играя со своими флигель адъютантами. Наслѣдники его въ Тюльери также берегли эту рѣдкую драгоценность, которая въ числѣ прочихъ историческихъ достопримѣчательностей сгорѣла во время пожара 1871 года.

Ископаемыя въ Лондонѣ. Недавно, при очисткѣ мѣста для постройки одного зданія, въ самомъ, такъ сказать, сердцѣ Лондона, найдено большое количество драгоценныхъ ископаемыхъ. Всего около 100 разнообразныхъ остатковъ давно исчезнувшего животнаго царства. Тутъ имѣются—кости пещернаго медведя, клыки и кости мамонта, клыки и кости исчезнувшихъ слоновъ, остатки нынѣ-несуществующаго ирландскаго оленя, остатки носорога, кости лошади, овцы и др.

Православное Палестинское Общество, состоящее подъ предсѣдателемъ Его Императорскаго В. В. Кн. Сергія Александровича.

Православное Палестинское Общество, уставъ котораго Высочайше утвержденъ 8-го мая 1882 г., открыло свои дѣйствія 21-го мая сего года.

Главная цѣль общества:

1. Поддержаніе православія въ Святой землѣ.

2. Пособіе русскимъ паломникамъ.

Для достиженія первой изъ этихъ цѣлей общество предполагаетъ: поддерживать въ Святой землѣ православныя церкви и духовенство, устраивать церкви и духовенство, устраивать тамъ школы и подавать мѣстному населенію врачебную помощь. Заботы общества о русскихъ паломникахъ не ограничиваются

облегченіемъ имъ пути въ Святую землю, но еще болѣе будутъ направлены на удовлетвореніе ихъ духовныхъ потребностей.

Кромѣ того, общество поставило себѣ задачею посредствомъ разнаго рода изданій ознакомить русское общество съ настоящимъ и прошедшими Святой земли, и тѣмъ послужить для духовнаго единенія между Россіею и Матерью Церквей.

Общество принимаетъ пожертвованія и взносы какъ для удовлетворенія своимъ вышеупомянутымъ цѣлямъ, такъ равно для доставленія по принадлежности въ Святую землю по волѣ и указанію жертвователей или желающихъ перевести деньги въ Йерусалимъ.

РЕБУСЪ. Задача № 5.

ство по уставу состоять изъ:

1. Почетныхъ членовъ, внесшихъ единовременно 5,000 р., или избранныхъ въ виду особыхъ заслугъ ихъ въ пользу Святыхъ мѣстъ Востока.

2. Дѣйствительныхъ членовъ, внесшихъ единовременно 500 р. или платящихъ ежегодно по 25 р.

3. Членовъ-сотрудниковъ, внесшихъ единовременно 200 р., или платящихъ ежегодно по 10 р.

По уставу Общества, всѣ почетные члены и тѣ изъ дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ, которые сдѣлаютъ, вмѣсто ежегодныхъ, единовременные взносы, получаютъ для ношения особый Высочайше утвержденный знакъ общества.

Дѣлами Общества завѣдываетъ Совѣтъ, который составляютъ:

Предсѣдатель Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ.

Вице-Предсѣдатель Т. И. Филипповъ. Помощникъ Предсѣдателя В. Н. Хитрово. Члены Совѣта: Б. Ш. Мансуровъ, В. Г. Васильевскій, И. Е. Троицкій.

Казначай Н. Ф. Фанъ-деръ-Флить.

Секретарь М. П. Степановъ.

Предсѣдатель Комиссіи по сбору пожертвованій М. Н. Паруновъ.

Пожертвованія, членскіе взносы и переводы денегъ въ Святую землю принимаются, какъ отъ здѣшнихъ жителей, такъ и отъ иногородныхъ, въ С.-Петербургѣ, на Дворцовой набережной, въ конторѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей, а также пожертвованія и членскіе взносы принимаются у М. П. Степанова, въ Зимнемъ Дворцѣ (Комендантскій подъѣздъ).

У В. Н. Хитрова, Мойка, д. № 93.

У Н. Ф. Фанъ-деръ-Флита, Фурштатская ул., д. № 20.

У М. Н. Парунова, Николаевская, д. № 48.

У Л. Ф. Абатурова, Б. Садовая, д. № 63.

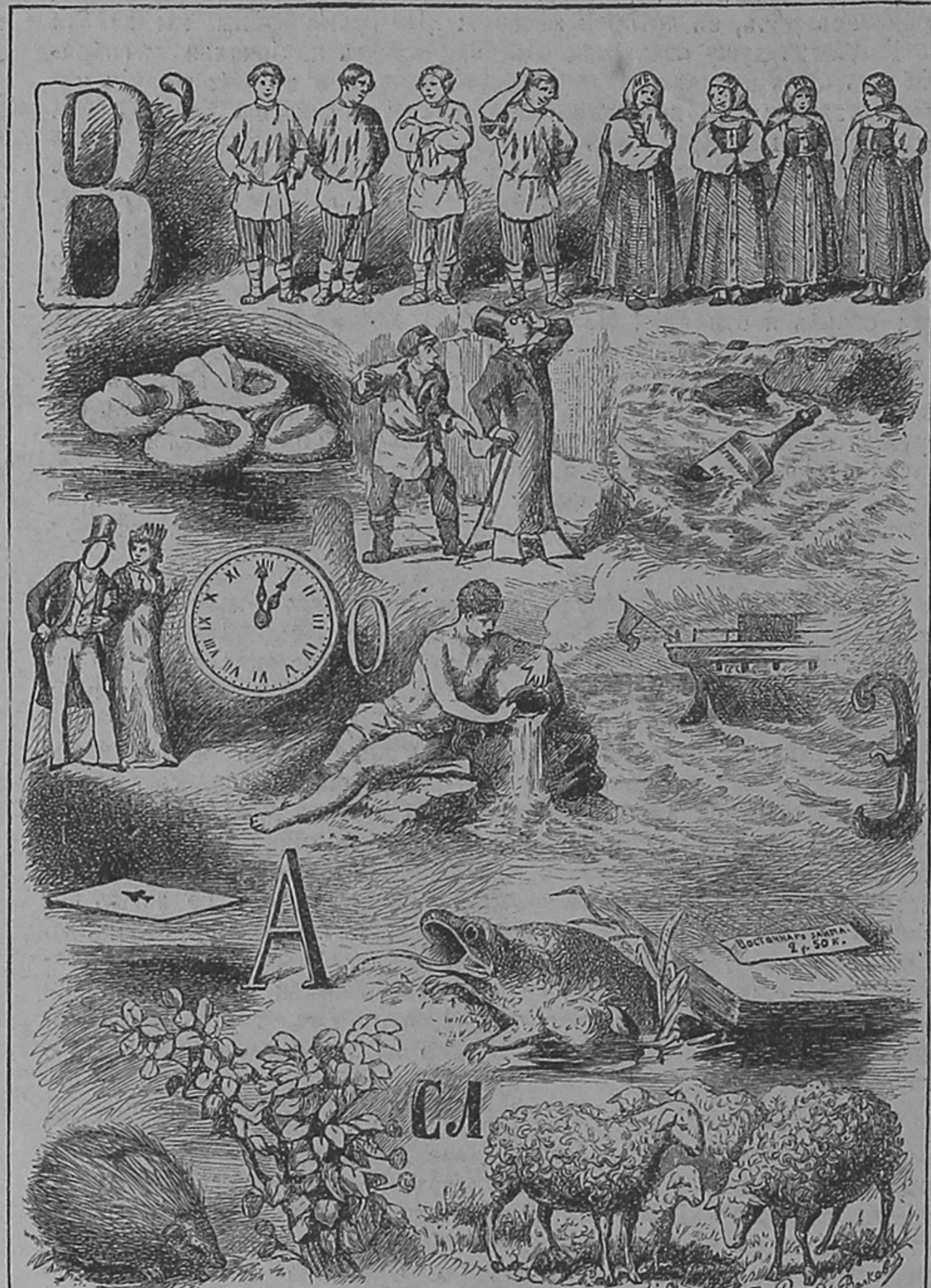
У Е. Н. Сивохина, Гороховая, у Семеновского моста, собственный домъ.

И у В. В. Номарова, въ Редакціи „С.П.Б. Вѣдомостей“ Гороховая, д. № 41.

Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ А. Н. Ферапонтова, Никольская, д. Славянского базара, и у члена-учредителя Ивана Николаевича Лодыженского, Малая Никитская, Гранатный переулокъ, д. княгини Урусовой.

Въ Кіевѣ—у почетного члена общества, Акима Алексѣевича Олесницкаго, въ зданіи Духовной Академіи.

Въ Перми—у члена-учредителя Дмитрія Дмитріевича Смышляева.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Въ газетахъ 21-го Декабря появился слѣдующій протестъ нѣсколькихъ нашихъ уважаемыхъ писателей и издателей.

„Вездѣ, начиная съ „Правительственного Вѣстника“, стали появляться объявленія о выходѣ въ свѣтъ „Литературной дѣтской библиотеки“—изданія, предпринятаго въ Москвѣ г-жею Юдиной. Въ объявлении этомъ помѣщены имена многихъ нашихъ поэтовъ и беллетристовъ, въ томъ числѣ и наши, къ нашему немалому изумленію. Объявленію приданъ видъ будто бы не только законные наследники и владѣльцы правъ живыхъ и покойныхъ авторовъ, но и мы въ этомъ изданіи принимаемъ участіе или даемъ полное право г-жѣ Юдиной пользоваться нашими трудами, какъ ей заблагоразсудится.“

Г-жа Юдина, собираясь издавать „Дѣтскую библиотеку“, никому изъ насъ не сообщила о своемъ намѣреніи, и несомнѣнно разсчитываетъ на наше великодушное молчаніе или не подозрѣваєтъ, что ея многотомная библиотека не есть хрестоматія или сборникъ статей для учащихся и что, стало быть, издаельница должна подлежать отвѣтственности передъ

судомъ, на основаніи 1684 статьи XV т. св. з. улож. о наказаніяхъ, изд. 1866 г. Просимъ газеты перепечатать это заявленіе, хотя бы для того, чтобы избавить г-жу Юдину отъ напрасныхъ расходовъ по изданію томовъ своей „Библиотеки“.

Д. Григоровичъ.

Я. Полонскій.

А. Майковъ.

Къ сему заявлению присоединяюсь и я, какъ пріобрѣвшій права на изданіе сочиненій нѣкоторыхъ изъ объявленныхъ къ помѣщенію въ „Библиотекѣ“ авторовъ, а именно: В. А. Жуковскаго, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева и М. Ю. Лермонтова,

Иванъ Глазуновъ.

Присоединяюсь къ сему заявлению, какъ опекунша надъ малолѣтними дѣтьми О. М. Достоевскаго,

А. Г. Достоевская.

Къ этому заявлению присоединился еще Г. П. Данилевскій, и присоединяюсь я, пріобрѣвшій право на изданіе полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова, издатель „Нивы“ А. Марксъ.

ПОТЕРЯННЫЙ и ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

ПОЭМА Джона Мильтона.

Большое изданіе in folio съ 50 больш. картинами Густава Дорэ. Въ простомъ каленкор. перепл. 25 р., съ перес. въ ящикѣ 30 р.; въ красивомъ каленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р., съ пересылкою въ ящикѣ 35 р. Подписчикамъ „Нивы“ на 1883 г. дѣлается уступка 5 руб.

Таблица 36 тиража 1-го Внутр. съ выигрышами займа выходитъ лишь 4 Января, а такъ какъ 3 листъ 2-го №, чтобы поспѣть его отпечатать въ требуемомъ количествѣ, долженъ быть спущенъ въ машину уже 2 Января, то таблица будетъ помѣщена въ слѣдующемъ, 3 № „Нивы“.

СОДЕРЖАНИЕ: Леонъ Гамбетта (съ портр.)—Гуттаперчевый мальчикъ. Повѣсть Д. В. Григоровича. (Продолженіе).—День отдыха. Рассказъ Л.—Средневѣковая дѣвушка-городянка (съ рис.).—Вечеръ (съ рис.).—Послы нижегородскіе у Пожарскаго (съ рис.).—Летаргический сонъ Князя Димитрия Юрьевича (съ рис.).—О. А. Новикова (съ портр.)—Первый пароходъ (съ рис.).—Прохожденіе Венеры чрезъ солнечный дискъ. Очеркъ.—Политич. обозрѣніе.—Смѣсь.—Православное Палестинское Общество.—Ребусъ.—Заявленіе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ
ПАПИРОСНАЯ И СИГАРНАЯ ФАБРИКА

В. БУШЪ,
въ С.-Петербургѣ,

фабрика: Лиговка, № 31, магазинъ: Вознесенский, № 14, поторнѣше просить обратить вниманіе гг. курающихъ на ея произведенія, ибо работавъ долгое время въ первыхъ заграничныхъ сигарныхъ фабрикахъ, надѣется вполнѣ удовлетворить самый требовательный вкусъ; сигары отличаются мягкимъ вкусомъ и хорошимъ ароматомъ. Можно получить во всѣхъ табачныхъ магазинахъ.

Р. № 2378 10—5

ВЕБЕРА, ОЧИСТИТЕЛЬ СНЪГА И УРАВНИТЕЛЬ ДОРОГЪ.

Въ теченіе дня 2-е рабочихъ съ двумя лошадьми могутъ очистить отъ снѣга или исправить отъ 2 до 3^{1/2} верстъ самой испорченной отъ юзды дороги, такъ что уравнитель окупается въ теченіи однѣхъ сутокъ. Весь 5 пуд., цѣна 35 р.

ВЪ ДЕПО МАШИНЪ, НАСОСОВЪ И ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ ТОВАРИЩЕСТВА

БУРГАРДТЬ и УРЛАУБЪ,

С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 1-я линія, № 10.
Москва, Масницкая, д. Сытова.

№ 2422 4—2

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ

Н. П. ЛАНИНА
ВЪ МОСКВѢ,

удостоенное МНОГИХЪ МЕДАЛЕЙ, въ томъ числѣ двумя медалями на Филадельфийской и почетнымъ отзывомъ на Парижской всемирныхъ выставкахъ и на послѣдней Все-российской выставкѣ въ Москвѣ золотой медалью, неступающее хорошимъ французскимъ маркамъ.

по 36 руб. за ящикъ въ 30 бут.

(прямо съ фабрики).

ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ въ обѣихъ столицахъ, въ большей части другихъ городовъ Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго и нашихъ новыхъ владѣніяхъ Азіи.

№ 2435 10—1

Исключительное депо на всю Россійскую Имперію.

Мужские карманные часы

неизвестно подражающіе золотые.

Цѣны включительно съ пересылкой.

Цилиндрическій большой формъ. 7 р.

меньшій " 8 р.

Самозаводящіеся " 10 р.

Выписываютъ, сразу 25 шт. 10% скидки

" 100 " 20% "

Отправка немедленно по получении всей стѣдущей суммы. Адр.: Торговый Домъ "Commerce Russe", Варшава.

№ 2349 12—6

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1882 года.

Иллюстрированный Журналъ для семейного чтенія.
ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,200 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. С. Соловьевъ—„Вольтерьянъ“, больши романъ Іокалъ—„Во время бури“, больш. пов. Лебедева (Морского) „Подъ землею“, пов. Австенъ—„Испанский дворянинъ“ и др. произвед. современни. беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологии, астрономіи и проч., и проч., и кроме того большая олѣографическая картина проф. Имп. Акад. Худ. В. И. Якоби—„Дорогой гость“.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р.—к. Съ пересылкою 5 " 50 "

Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 7 " —

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

**НЕОБЫКНОВЕННЫЙ
подарокъ для дѣтей и взрослыхъ:**

ЧРЕЗВЫЧАЙНО ИНТЕРЕСНАЯ ИГРА

ДОБЧИСКІЙ и БОБЧИНСКІЙ.

Въ игрѣ также фигурируютъ: Хлестаковъ, Чичиковъ, Ноздревъ, Коробочка, Плюшкинъ, Шѣхухъ и Собакевичъ. При игрѣ подробное объясненіе на трехъ языкахъ.

Цѣна съ пересылкою во всѣ города Россіи 3 р. Заказы гг. иногородн. исполняются немедленно. Съ требованіями обращаться къ издателю Б. И. Шайкевичу, Коломенская ул., д. № 1, кв. 27, въ СПБургѣ. № 2430

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волицкаго. Невскій, 98, противъ Николаевской. Ежедневно приемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщинъ. Ночное дежурство. Телефонъ. № 2412

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

съ разрѣшеніемъ С.-Петербургской Врачебной управы

АНТИ-ЭПИДЕМИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

ФЕНОЛЬ

для очищенія воздуха въ комнатахъ, устраненія заразы и гнили. флак. 50 моп.

КАРБОЛОВЫЙ УКСУСЪ

для туалета и куренія въ комнатахъ. фл. 45 и 75 коп.

КАРБОЛОВЫЕ И САЛИЦИЛОВЫЕ ЗУБНЫЕ СРЕДСТВА.

КАРБОЛОВ. и САЛИЦИЛОВ. МЫЛО.—КАРБОЛОВ. ПОРОШОКЪ и ЖИДК. по 30 коп.

ЖИДКОСТЬ Бѣзъ ЗАПАХА (экстрактъ)

для уничт. зловонія и міазмъ въ разныхъ сосудахъ, помойныхъ ямахъ и проч. 40 к.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибегаютъ некоторые фабриканты, принявши название фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и коимиущіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждого предмета точность фирмы:

„С.-Петербургская Химическая Лабораторія“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католической церкви.

2) Невскій проспектъ, д. № 66, у Аничкова моста.

3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера.

Все прочие магазины и лавки, имѣющіе вывески, сходныя съ вышеизложенными С.-Петербург. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежатъ.

Р. № 2274 3—2

10%

ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ

предлагаю лицамъ, имѣющимъ возможность по своему общественному положенію указать мнѣ владѣльцевъ, желающихъ продать нижепоменованные старинные вещи, которыхъ я покупаю **ПО ВЫСОКОЙ ЦЕНѢ:** богатый сѣверский и саксонский фарфоръ, старинные бронзовые часы, канделябры и группы, золотые эмальированные табакерки, старинные вещи изъ золота и серебра прошедшихъ столѣтій, старинную мебель съ богатыми бронзовыми украшениями и фарфоровыми инкрустациами, gobelены, вышитыя старинные шелковые матеріи, старинная кружева, фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра и вообще всякаго рода старинные вещи XVI, XVII и XVIII столѣтій, кроме монетъ.

Указанія адресовъ лицъ, имѣющихъ на продажу означенные предметы, могутъ быть сообщены мнѣ лично или письменно по адресу моему: въ Москву, г-ну **ЛЮДОВИКУ БЕНЬ**, Петровка, домъ Пенскаго, противъ Петровской аптеки.

Вышеупомянутое вознагражденіе въ 10% мною выплачивается немедленно за каждую сделанную покупку чрезъ рекомендацию.

И. № 2270 9—6

НОВАЯ КНИГА:
Ворожея-Вѣщунья,
ПРЕДСКАЗЫВАЮЩАЯ СЪ
ПОМОЩЬЮ ПРОСТОЙ КОЛОДЫ
КАРТЪ

имя, отчество, фамилию, лѣта, ростъ и званіе суженаго, опредѣляющая характеръ и причину неудачъ въ любви или по службѣ, отгадывающая прошедшее, настоящее и будущее и дающая полезные советы всѣмъ и каждому, какъ вести себя, кого и чего остерегаться, на кого или на что полагаться и на что рѣшаться. Составлено по примѣру, способамъ, приемамъ и соображеніямъ знаменитыхъ предѣштателей, кабалистовъ, колдуновъ, спиритовъ, мистиковъ, астрологовъ, хиромантовъ, снотолкователей, ороскопистовъ, гадальщицъ и т. д. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. Продается въ книжномъ маг. С. В. Исаакова, Сиб. Невскій, 54, противъ Имп. Публ. Библиотеки.

№ 2432 1—1

ПОСТУПILA ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

КУРСЪ

ДВОЙНОЙ ВУХГАЛЕРИИ

Руководство для комм. и реал. училищъ и для занимающихся контор. и торг. дѣлами. Сост. А. Пронофьевъ, препод. Моск. Практик. Академіи Комерч. Наукъ. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к. М. 1883 г. Того-же автора:

Коммерческая Ариѳметика и торговая операции. Съ граф. таблицы колебаний русск. курса. Цѣна 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 75 к. М. 1881 г. Склады изданий: въ С.-Петербургѣ—въ маг. „Нового времени“—Нев. пр. и у Н. И. Мамонтова, Бол. Сад. № 12, въ Москвѣ у Салаева, Мамонтова и въ маг. „Нового времени“. П. № 2438 1—1

ИГРА ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ

1 р. А. Ковалевскаго въ туб. г. Владивост. 1 р. Смотри въ № 48 Нивы, 1882 г.

ИГРА ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ.

№ 2333 6—5

РУЧНЫЯ МУКОМОЛНЫЯ МЕЛЬНИЦЫ

съ жерновами, цѣною 140 р. размалываются всякихъ родовъ зерна на мелкую муку.

Мельницы для конной и паровой силы цѣною отъ 150 р. Механический зерносушини, изобрѣт. В. Аккермана, локомобили,

и другія земледѣльческія машины постоянно на складѣ при механическомъ заводѣ В. АККЕРМАНЪ. С.-Петербургъ, Пески, Большая Болотная, № 6.

№ 2427 3—2

Страхование пожизненныхъ доходовъ.

ПРИМѢРЪ: Лицо 68 лѣтъ, владѣя капиталомъ въ 15,000 руб., приносящимъ ему ежегодно 900 руб. процентовъ, желаетъ увеличить пользу изъ своего капитала и съ этой цѣлью страхуетъ себѣ пожизненный доходъ, посредствомъ взноса указанного капитала въ Страховое Общество „Россія“.

Общество за внесенные 15,000 руб. будетъ выплачивать

13^{4/10} процентовъ съ внесенного капитала,

т. е. ежегодного дохода въ 2010 руб. застрахованному лицу, до его смерти, какъ бы долго оно ни прожило.

Размѣръ процентовъ при разныхъ возрастахъ:

Возрастъ: 55. 60. 65. 68. 70. 75. 80.

Проценты: 9. 10^{2/10}. 12. 13^{4/10}. 14^{8/10}. 18. 22.

Дальнѣйшіе подробности и полные тарифы въ брошюрахъ Страхового Общества „Россія“, выдаваемыхъ и высыпаемыхъ по требованію безплатно

Правлениемъ въ С.-Петербургѣ, (Большая Морская, № 13) и Агентами въ городахъ Имперіи.

№ 2299 5—5

! ВАЖНОЕ ВСЯКОМУ РУССКОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЮ!